

Новая Никея

Доклад еретика Ария на новом Никейском соборе, написанный им самим

Пролог	2
Картина 1. В поисках Троицы	11
1.1. Антиохия, поместный собор (в кулуарах), незадолго до Никеи. Арий и Афанасий. София	11
1.2. Герлиц. Якоб Беме. Дева-София	15
1.3. Этрурия. Валентин и Секунд. Три в трех, девять в одном.	19
Картина 2. В поисках Любви	25
2.1. Мадрас. Фома. За неделю до гибели. Магдалина.....	25
2.2. Эфес. Несторий и Кирилл. Христородица	27
2.3. Александрия. Ориген, перед ссылкой в Иерусалим. Скопцы	31
2.4. Венеция. Гоцци. Нежность	33
2.5. Санкт-Петербург. Петр, Алексей и еще Петр. Здравствуй, мама	35
2.6. Флоренция. Боттичелли и Пико делла Мирандола. Академия	38
Картина 3. В поисках Ордена	43
3.1. Иерусалим. Соломон и Иегуда. Братство мастерка	43
3.2. Сиена. Антоний и Франциск. Госпожа Бедность	48
3.3. Париж. Де Моле и де Буйон. Финансисты Христовы.....	53
Эпилог	57
Источники информации.....	60

Пролог

Иисус сказал: Я - свет, который на всех. Я - все: все вышло из меня и все вернулось ко мне. Разруби дерево, я - там; подними камень, и ты найдешь меня там.

Евангелие от Фомы, 81 [1]

Старые еретики никогда не умирают, они попросту продолжают воплощаться еретиками!

Э. Профет. Реинкарнации. Утерянное звено в христианстве [2]

Шел пятьдесят второй год, отсчитываемый от начала Диоклецианового правления. Сегодня мы могли бы сказать, что шел 336 год новой эры. Еще не родился монах Дионисий Малый, еще не предложил он новое общеимперское летоисчисление, отсчитываемое от предполагаемого рождества Иисуса, позже названного Христом. Но монах ошибся в расчетах примерно на четыре года. Ведь Ирод (избивший сотни новорожденных младенцев) умер в 750 году от основания Рима, что соответствует 4 году до начала нашей эры. Ясно, что Младенец-Христос родился прежде этой даты.

Итак, ранним воскресным утром в Византии, в Константинополе, на пятьдесят втором году от восхождения Диоклециана на императорский престол, в городе не спали два человека. Одного из них звали Александром. Он был вновь назначенным патриархом Константинополя, владыкой Восточной церкви. Человеком он был ровным, каноничным, послушливым; звезд с неба не хватал, но в интригах знал толк. О том, как выглядел Александр, мы ничего не знаем. Другого звали Арием Александрийским. Арий, напротив, был известным ересиархом (*переводя с греческого – главой разномыслий*), вечным возмутителем спокойствия, неугомонным спорщиком, участником легендарного Никейского собора, состоявшегося за одиннадцать лет до событий сего дня. И он был стар, ему было глубоко за восемьдесят. Высокий, сухой старик, чинный и строгий. Но по временам, словно бы в противоречие самому себе – любящий пошутить, и пошутить отменно, со вкусом. Под старость у него всерьез разболелись ноги, и он еле-еле ходил, опираясь на клюку.

Оба молились, причем двум разным богам. Александр горячо молился Господу Иисусу Христу о том, чтобы злочестивец Арий поскорее сдох, очистил Землю от своего присутствия. Распоряжением императора Константина, данным патриарху Александру, Арий должен был быть возвращен в церковное общение. По мнению императора, предмета для догматических споров больше нет. «Единосушие» Сына и Отца, во избежание нестроений по церквам, следует рассматривать как «подобосушие», и тем самым предмет отчаянной полемики в Никее уходит сам собой, в церкви настает долгожданный мир. Это означало сослужение на литургии с еретиками и совместное причастие Святых Даров. Для Александра причащаться с еретиком Арием было равносильно оскорблению веры, духовному самоубийству. Он не мог себе позволить причащаться с первейшим врагом правoverия. Но неисполнение приказа императора означало немедленное низложение и ссылку (*Константин не церемонился с ослушниками своей воли*).

Арий тоже молился. Он молился Отцу, чтобы пережить наступающий день. Ему было нехорошо, началось это еще с вечера. А день обещал быть длинным. Воскресная литургия, а затем обед примирения в императорском дворце. Константин дал понять, что больше не потерпит никаких церковных дразг, никаких разночтений. Решения Никейского собора 41 года от Диоклециана – приняты раз и навсегда, обсуждению не подлежат. Те, кто отказался подписать решение собора (*Арий и еще двое*) – были сосланы в Иллирию на два года. Увещевание подействовало. Теперь Арий, со своими ливийскими земляками Феонией Мармарикским и Секундом Птолемаидским, возвращены из ссылки, наказание с них снято. Архиепископу Александрии Афанасию – главному оппоненту Ария на Никейском соборе, разработчику никейского символа веры – Константин предложил примириться с Арием и вернуть его в свое общение. Афанасий с негодованием отказался. Тут подоспел Тирский собор. Афанасия обвиняют в приготовлении к убийству мелетианского епископа Арсения, а заодно и в колдовстве. Афанасий сбегает прямо с собора на барже, груженной лесом. Затем он прибегает под защиту Константина. Исход разбирательства – ссылка Афанасия за тридевять земель, на Рейн, в Трир (*из Тира да в Трир – каламбур*). Афанасий – смелый человек, несдержанный, забияка. У патриарха Александра не хватило духа повторить его маневр – сразу отказаться от общения с Арием. Испугался.

А что же сам Арий? Он совсем обессилел, изнемог в гонениях. Он с горечью сознавал, что дело всей его жизни – проиграно, проиграно с треском. И Тирский собор, со всеми его уступками арианской формуле – не более чем политиканство Константина, его заигрывание с «либералами», за этим не стояло его, Константина, опытного понимания вопроса, внятного осмысления, веры. Умри Константин (*а он сильно сдал за последние годы*) – власть в церкви окончательно перейдет к рукам «троечники», и тогда конец подлинному христианству, христианству Христа. И теперь было уже все равно, с кем причащаться, лобызаться троекратным целованием. Арий не строил иллюзий. Он видел, что Константину нет никакого дела до догматов. Он, язычник до мозга костей, уморивший своего сына Криспа ядом, а жену Фаусту – паром в бане, - никогда не понимал природы Никейского спора и не сочувствовал ему. Константину нужно было только одно – символ новой веры, отличной от западного римского многобожия. Константин получил такой символ – Троицу. И теперь он может начать войну за объединение Запада и Востока под его, Константиновой, рукой, - за объединение веры и земли, за новую империю.

Солнце поднялось над морем. Настало время идти в храм, совершать литургию. Александр и его клир, мрачнющие, стояли на ступенях храма, дожидаясь Ария и его союзников. Православные, пришедшие на службу, переминались у дверей собора, не решаясь войти внутрь храма прежде патриарха. Но Арий не шел. Вдруг, расталкивая толпу локтями, к Александру подбежал один из молодых учеников Ария, с криком: «Владыко, отец Арий умирает!». «Где?» Ученик махнул рукой куда-то в переулок. Патриарх сделал знак диакону из своего клира, тот помчался вслед за учеником.

Неподалеку от городского рынка располагался общественный нужник. Диакон из Александрова клира и Ариев ученик забежали внутрь. Там, задыхаясь от зловония, они увидели Ария, распростертого на каменном, залитом мочой, каменном полу. Ряса Ария была покрыта изобильной кровавой рвотой. Он был мертв.

Оставив ученика над телом своего учителя, диакон помчался обратно к храму. Подбежал к Александру, нетерпеливо его ожидавшему, сказал несколько слов на ухо. Александр поднял глаза к небу в благоговейном восторге. «Благодарю тебя, Господи! Ты услышал! И какая смерть!» Патриарх повернулся к толпе и властно поднял обе руки вверх, требуя молчания. Когда стало тихо, он

провозгласил: «Братия, возрадуйтесь! Злочестивец Арий Александрийский, чья ересь сотрясала церковь многие годы, мертв. Господь поразил его, как Иуду-предателя, чье чрево разверзлось, по Писаниям. Злочестивая жизнь пресеклась нечестивой смертью. Возблагодарим же Господа!» Воодушевленная церковь, вослед за своим епископом, нараспев принялась читать «Верую». Тут же к императору был послан гонец с извещением о смерти старого еретика.

Так началась воскресная литургия в Константинополе, в майское воскресенье на пятьдесят втором году Диоклециановой эры.

Арий – летит. Он преодолевает тоннель, быстро адаптируется в ярком нетварном свете, заливающим Мир Душ. Здесь для Ария нет ничего необычного или пугающего. Он уже сотни тысяч раз проходил по этому коридору. Он – дома, и каждый закоулок этого дома ему ведом. Он знает, что вот-вот появится Гид – ангел, который вел Ария на протяжении всех его воплощений, сколько Арий себя помнил. Помнил? Да! К радости и изумлению своему, Арий вдруг начинает отчетливо припоминать себя. На Земле, в последнем воплощении, его звали Арий. Но это была еще не вся правда о нем. Всей правды ему не довелось узнать при земной жизни, а жаль – легче было бы носить тяготы. Но зато сейчас все единовременно встает на свои места, открывается таким, каковое оно есть на самом деле, воистину.

Арий видит себя Оригеном, учителем церкви, одно воплощение назад. И именно Оригена – себя – Арий должен благодарить, что он здесь – свой. Арий безоговорочно верит в перевоплощения (*к счастью, все подтверждается*). И безоговорочно не верит – в Страшный суд, описанный неким «Иоанном». В то, что «апостол любви» Иоанн мог написать такую отвратительную стряпню, как «Апокалипсис» – Арий верить отказывается. Разве что в состоянии сильного аффекта, в безудержной обиде – на мир, не желающий следовать за Христом. Вот и вся любовь, что называется.

Арий видит себя Валентином, главой гностиков. Видит себя архитектором Апполодором Дамасским, при императоре Адриане (*который его и казнил*). Припоминает себя Фомой, апостолом Иисуса Христа, – самым непоседливым из апостолов, ищущим самому дойти до сути вещей и попробовать ее на вкус, эту суть. И – чудеса! – он узнает себя Соломоном, сыном Давидовым, автором Песни Песней, Притч, Екклесиаста, Премудрости, строителем Первого Храма Единому в Иерусалиме. Из жизни в жизнь – апостол, архитектор, академик, аналитик. Ну и аферист, чего уж там говорить, из песни слова не выкинешь. Арий улыбается, припоминая свои художества Фомой – в Индии, когда он взял деньги на храм у раджи – и раздал их нищим (*чуть не содрали с него кожу за такие инвестиции*). Пять «А», пять векторов внутри одной души, точно вершины в соломоновом пентакле.

Начинается движение. Ария окружают души, дорогие ему, с которыми он взаимодействовал сотни и тысячи раз, в этом воплощении и в предыдущих. Души из его, Ария, кармической группы. С неподдельной радостью они аплодируют возвращению Ария Домой (*в Мире Душ так принято*). Многие из них умерли еще до Ария, многие продолжают жить и после того, как умер Арий. Но здесь это не имеет ровно никакого значения. Потому что душа воплощается в теле не полностью, а лишь отчасти, процентов на тридцать-пятьдесят; с этой точки зрения, ее пребывание в Мире Душ – вечно. Некоторые наиболее продвинутые души умудряются воплотиться в двух телах одновременно. Но это – не система [3, 4].

Вот – император Константин. В одном из воплощений он – апостол Андрей; в другом – Давид, отец Соломона; в третьем - Моисей. А вот и Николай Чудотворец, разбивший Арию нос на том самом Никейском соборе, он же – апостол Петр. А вот и непутевый Афанасий, враг номер один; ну здравствуй, дружище Симон Зилот! Вся апостольская группа - в сборе. Недостает Марии Магдалины, но она на задании, подлетит чуть позже.

- Я должен был догадаться! – радостно заявляет Арий, он же Фома. Ухмыляется. Посылает импульс любви всему собранию. В ответ Арий получает удвоенную порцию любви, водопад любви. Какие там враги, какие там убийцы?! Одни лишь вечно-родные физиономии (*если можно это здесь так назвать*), с которыми съеден пуд соли, выпито море радостей и горестей. Все они идут друг другу на воплощение матерями, сестрами, отцами, племянниками, оппонентами, судьями, карателями, учителями и учениками. Регулярно меняют пол, чередуются женщинами и мужчинами. Но ничего не происходит из жизни в жизнь по большому счету, кроме театра, кроме карнавала. Спрашивается, зачем же мы играем во все эти игры? Уроки! Мы извлекаем уроки, мы тренируем наши души любовью. Чтобы однажды мы смогли вернуться в свой окончательный дом, слиться с Творцом и стать Им.

Из-за спин присутствующих выглядывает Александр Константинопольский (*приглашенная душа, из соседнего кармического круга*). В астральных своих ладошках он держит пузырек (*вернее, астральную проекцию пузырька*). Он тоже улыбается, но загадочно, если не сказать – глумливо.

- Как договорились, - говорит он Арию.

- Спасибо, добрый человек, - улыбается Арий. – Пособил старику. Но яд у тебя – мадера. Бочкой отдает.

- Химия еще плохо развита на этой планете, - констатирует «Александр». – Со временем мы научимся делать это лучше.

- Арий, на Совет!

А вот и Гид. В Море Душ у него трудно выговариваемое имя, наподобие эльфийского. Арий зовет своего учителя Феодос. Когда воплощается в Руси-России (*а такие случаи известны*) – кличет Федотычем.

- Готов! – отзывается Арий. – Здорово, Феодос! Как вы тут без меня, справляетесь?

- Твоими святыми молитвами, - отвечает Феодос меланхолически-иронично.

- Проваливай, гнусный еретик, - говорит Константин-Андрей от лица всего собрания. – На Совете дадут тебе тумака, и полетишь прямой дорогой в ад, в кипящее озеро. Будете там вместе с Иудой Искаротом жариться, точно барбекю.

- Не слушай этого пустомелю! – Арий не успел заметить Иуду из Кариафа; тем временем, Иуда (*когда-то Иуда*) перемещается из-за спин собравшихся и встает рядом с Андреем. – Все будет отлично, вот увидишь.

- Да знаю я, - говорит Арий-Фома. – Пересечемся после Совета. Без меня ничего не планируйте, сразу предупреждаю. Чтобы потом не было жалоб, что я вам все испортил.

В этот момент все правоверные христиане, читающие труд сей, плюнули, перекрестились и пошли прочь. Счастливого пути, братья и сестры. Мы продолжаем с теми, кто остался. Никто не остался, все ушли? Превосходно. Я, некогда Арий, буду говорить сам с собою, словно бы старый брюзгливый дедок, в абсолютной пустоте.

Но нет, пустоты не будет. Из темноты беспамятства выходят души. Еретики, сгоревшие на всевозможных кострах (*в том числе тамплиеры*). Сгнившие в тюрьмах философы. Женщины и дети, убитые только за то, что осмеливались исповедовать свою (*катарскую*) веру, отличную от официальной, - там, у Монсегюра, на юге Франции. Зарубленные мечом, запытаные в подвалах, утопленные в каналах Амстердама и Брюгге. Повешенные. Сожженные в своих раскольничьих скитах. Красивейшие женщины Европы, истребленные под видом ведьм. В большинстве случаев – просто отказавшиеся спать со своими будущими палачами. Мыслители, запуганные и запутавшиеся; мистики, не получившие ответов на свои вопрошания о Боге. Тысячи людей, проклявшие Бога и Его творение, осудившие Бога за то зло, которое Он отказывается сдерживать, - и сгинувшие в своем отчаянии. Люди, по глупости открывшие свои тайны на исповеди – и наказанные за это казнью своих друзей. Царевич Алексей, «Овод». Не счесть таких историй.

Кажется, Дэн Браун что-то говорил об иллюминатах [5]? Верно, они тут как тут. Джордано Бруно, сгоревший как свеча на площади Цветов в Риме. Галилей, которому заткнули рот, показав орудия пыток. Ньютон, обнаруживший приписки к Евангелию и испугавшийся печатать эту правду [6]. У них тоже свой счет, и этот счет – подлежит оплате.

(А потом простецы с изумлением вопрошают, отчего это монахи вылетают из парижских окон, да прямо на яacobинские пики. А чему тут удивляться? А то, как складно в России горели и рушились православные храмы после 1917 года, когда священники тысячами гибли от пуль красных дьяволят - спросите себя, к чему была устроена эта вакханалия? А Тридцатилетняя война? Неужели католики всерьез рассчитывали, что можно безнаказанно сотнями лет жечь людей, и это сойдет им с рук?)

Души однажды загубленных людей сосредоточились вокруг души, которая когда-то называла себя Соломоном, Фомой, Оригеном, Арием, Несторием, Максимом Исповедником, Антонием Падуанским, Якобом Беме, Боттичелли, Карло Гоцци, Шуманом. Словно бы армия мертвых встает за спиной у Арагорна, будущего короля Гондора [7]. Мы рассчитываем на тебя в этом воплощении, говорят они. Ведь ты – один из нас. Ты был пытан, ты горел. И мы хотим, чтобы ты отомстил за нашу бесславную смерть. Чтобы ты сказал за нас слово на Новом Никейском соборе. Чтобы ты довел свое дело, начатое Арием, до логического конца - упразднил убогодочную троицу, во имя которой нас убивали. Чтобы ты низверг с алтарей позорное орудие казни, именуемое у них орудием нашего

спасения. Чтобы ты заставил их отказаться от вздорной мысли, что Иисус из Назарета – Бог, что Он искупил наши грехи своей крестной смертью, что мы – грешны и прокляты от Адама. Пепел Клааса [8] стучит в наше сердце, и этот пепел – мы сами. Сделай то, к чему ты призван, - и наша гибель не будет напрасной. Тогда мы успокоимся.

Братья мои и сестры мои, отвечает им некогда Арий. Мсть – скверное чувство, сотканное из низких вибраций агрессии, обиды и страха. Поверьте: вы все уже не по одному разу рождались, чтобы мстить за себя. Последний раз вы приходили сюда гестаповцами, а ваши жертвы – некогда ваши палачи – затравленными евреями прямоком отправлялись в печи Освенцима. Это бессмысленно, говорю я вам. Те, кого вы убивали в прошлый раз, готовятся к реваншу, и они получают такую возможность, помяните мое слово, - но этому не будет конца, если кто-то не остановится первым. Остановитесь. Вспомните у апостола Павла: «Не мстите за себя, возлюбленные». Правда, потом он смешно написал: «... но дайте место гневу Божию». Бог – не гневается, вы должны знать. Если Он гневается, то это – никакой не Бог. Савл из Тарса может гневаться, не переставая, что он и делает всю дорогу, из жизни в жизнь; Бог – никогда. Удивительно, но когда-то Павел был Гомером и Франциском Ассизским. Как это примиряется в одной душе – не могу знать, здесь тайна. Но однажды я узнаю.

А сейчас - давайте немного постоим в молчании и поразмыслим.

Мертвые молчат, и Арий молчит вместе с ними. Наконец, Арий говорит:

- Братья и сестры! Все на этом свете идет своим чередом, своим кармическим темпом, и ускорить ничего нельзя. Я, со своей частной правдой, слишком поторопился на Никейском соборе. Народы не готовы были принять Иисуса-человека, им нужен был Христос-Бог. Человечество не может так просто отказаться от веры в идолов. Оно еще очень незрелое, как капризные дети. Им, народам, по большому счету, все равно, во что верить – в раскрашенный пень, в золотого тельца, в Артемиду Эфесскую, в Божью Матерь или в Никейскую Троицу, невелика разница. Важно, **как** человечество верит. Если оно запросто готово, ради своей частной правды, сжечь своего оппонента или заткнуть ему рот – вера дефективна и убога. Миллиарды верят убого; это – факт истории, многожды доказанный войнами и кровью. Напротив: если единичные люди из миллиардного сонма правоверующих готовы поступиться своей частной правдой во имя любви, во имя ненасилия – считаем, они готовы принять новое слово, подняться над собой. Старая Никея была не готова принять, и мой сломанный Николой Чудотворцем нос – тому пример. Посмотрим, откликнется ли Никея Новая, и останется ли в порядке мой нос. Честно говоря, не уверен. Так для кого же я стараюсь: для миллионов или для единиц? Для единиц. Но это меня не страшит. Как Иисус часто говорил нам: не бойся, малое стадо! Нас было 12, потом 70, потом 500. И мы – перевернули мир. Вернее, мы вспучили его, как закваска вспучивает тесто. Теперь мы рискуем угореть, задохнуться в собственной вони. Надо скорее открывать окно, проветривать.

Недостаточно указать человечеству на то, что оно задыхается в своем идоловении, под видом веры в самых благих и милосердных богов. Выдуманных богов, лакированных богов, утилитарных богов, богов от хворей, от бедности и от бессилия – больных, бедных, бессильных, ущербных богов - как и те, кто их выдумал. Что люди и до сего дня падки на чудеса и знамения, в ущерб слову истины и состоянию просветленной души. Чудеса – это те же идолы, идолы-события. Истина выше чудес и знамений, выше экстаза, выше догмы. Свидетельствовать об Истине, свидетельствовать о Свете, свидетельствовать об Огне, свидетельствовать о Любви – вот к чему призывает нас наша вера.

Итак, я, некогда Арий, сижу в одном из питерских офисов и сочиняю доклад для нового Никейского собора. Раннее утро, непривычно холодный май 2009 года. У меня не выходило сберечь свои книги, их постоянно жгли, затыкая мне (нам) рот. Но рукописи, как известно, не горят; они печатлеются на скрижалях сердца и однажды проступают на свет. Можно сжечь книгу или человека. Но нельзя истребить душу, ибо она бессмертна. И она вернется, чтобы завершить дело, к которому была призвана тысячелетия назад. Доклад написан в свободной форме, на стыке философского эссе, площадной проповеди и юмористического рассказа. Юмористического? Еще бы! Среди нас, в нашей обойме – О.Генри, мастак на такие дела. И потом: кто хоть однажды побывал на средневековых соборах – тот в цирке не смеется. Клоунада еще та; клоуны – мы, а зрители – весь мир.

Посмотрим, насколько мы – Арий и другие персонажи внутри одной моей личности - готовы к манифестации универсализма, к докладу на Новом Никейском соборе. Отмечаем: готовность – выше среднего, но надо усилиться.

Труды Ария – уничтожены. Но сейчас он может говорить открыто. У него есть Интернет и персональный сайт.

Труды Валентина – уничтожены. Но нынче он в состоянии восстановить свою систему и улучшить ее. А заодно и упростить, потому что гнозис – самая запутанная доктрина на свете. Одна только «Пистис София» чего стоит. Но, в самом средоточии ментальных гностических нагромождений – сияют алмазы первой величины. Их надо там сыскать, очистив от наслоений. Блаватская – пыталась, и небезуспешно.

Труды Оригена – испорчены ревностными учениками (*вымарываниями и дописками*). Исходный текст [9] столь же похож на нынешний, как носилки Мак-Горни на косилку Мак-Кормика [10]. Сегодня Ориген готов не просто восстановить свою доктрину, но существенно усилить ее по целому ряду пунктов.

Соломон за свою недолгую жизнь написал 1005 песен, как свидетельствует Третья книга царств (3 Цар. 4.32). В Библию попала всего одна. Зато какая! Ориген пытался толковать «Песнь Песней», но немного заплутал. Выберется.

Книги Нестория – уничтожены. Восстанавливать их – резона нет. Но давний спор о Христородице – следует освежить. Дабы Несторий не обиделся на невнимание, приведем здесь название его последнего опуса: «Трактат Ираклида Дамасского».

Труды Максима Исповедника – меркнули перед тем, что он предпринял, оставшись один на один со своей правдой. И чем он заплатил за эту правду (*языком и правой рукой*).

Проповеди Антония Падуанского – сохранились в целости. Потребного для нынешнего синтеза в них мало (*оттого, видимо, и сохранились*). Но Антоний – спас от разгрома общину катаров в Римини, вел

переговоры с альбигойцами в Тулузе. Неспроста. Антоний искал вторую точку зрения, его гнал внутренний инстинкт, чутье на правду.

Сандро Боттичелли книг не писал. Он рисовал языческих богинь, иногда сбиваясь на иконы (*по заказу от дома Медичи*). Однажды ему позировала Мария Магдалина. Правда, тогда ее звали Симонеттой Веспуччи.

Книги Якоба Беме – читать невозможно. Есть расчет, что в этом воплощении Якоб одумается – и напишет проще. Ссылки на инвольтацию эгрегором Гнозиса – несостоятельны, Яша.

Карло Гоцци был венецианским драматургом. Он, как никто, понимал игровую природу Вселенной. От персонажей до Божественной Комедии – ровно один шаг: перестать быть персонажем, сорвать с себя маску и сделаться тем, что ты есть на самом деле – Атманом.

Важно подчеркнуть: мы попали в информационную эпоху. Резко возросла скорость сбора и анализа данных, расширились горизонты обзора. Мы можем одновременно открыть десять книг и читать их вразбивку, не выходя из дома. А сами книги – будут храниться на противоположной стороне земного шара. Очень удобно.

Еще одно. Сегодня за ереси – не сжигают. Могут проломить голову топором, как Александру Меню, – но это не система. За писания, подобные моим, еще пару сотен лет назад меня бы истребили, факт. Сегодня максимум, что сделают – отлучат от церкви. А я – их (*и такое кармическое право у меня есть, не надо сомневаться*). Как там у Кэрролла [11], Траляля и Труляля: «Подеремся часов до шести, а потом пообедаем».

Что есть Новый Никейский собор в нашем понимании? Виртуальное место для дискуссии, размером с планету Земля. По правую руку от Председателя Собрания расселись все участники организованных религий: правоверные христиане, правоверные иудеи, правоверные мусульмане, правоверные индуисты, правоверные буддисты, правоверные конфуцианцы, правоверные коммунисты, правоверные либералы. Они правы друг перед другом, считают вправе считать себя правыми (*а всех остальных – неправыми*), оттого и место им – по правую руку, а не по левую. И вообще они не понимают, на каком основании они должны присутствовать на этом соборе. Они спасают свою душу, и им ничто не в силах помешать. Разве что треклятые еретики, которые вьются вокруг их неколебимых установок, точно навозные мухи.

По левую же руку собрались все те, кто сомневается в собственной правоте – и в правоте конфессии, от которой они однажды отпали, будучи изначально инициированы в ней по праву местности, где родились, и по праву семей, в которые пришли рождаться. Те, кому недостаточно частной правоты одной веры, одной точки зрения. Кто не станет отрекаться от своих убеждений во имя принадлежности к группе или партии, для сохранения плохо понимаемого единства. Те искатели и интеграторы, кто готов примирить в своем синтезе правоту двух и более вер – и пренебречь обоюдной, взаимной неправотой этих вер. Это – люди направления New Age, теософы, пограничники-универсалисты. Они сектанты? Возможно. Но что есть секта? И обусловлена ли правота секты численностью ее членов? Коли так, то Максим Исповедник – сектант, состоящий в секте из одного себя. Вселенская Церковь Христова оказалась неправой. И однажды она признала

правоту Максима. Одновременно, она тем самым признала, что по вопросу о монофелии Вселенская Церковь однажды превратилась в многомиллионную секту, вставшую поперек Истины.

Эти люди, сидящие по левую руку - еретики? Еще бы. Потому что их синтез не предполагает полного или даже частичного согласия с установками организованных религий. Разночтения, разномыслия, разногласия – неизбежны. Но этому не следует ужасаться. Ересь – это норма жизни. Истина, довольная собою в своей окончательности – это ложь. Еретики - в меньшинстве? Как и всегда. Апостолы тоже когда-то были в меньшинстве, ничего нового.

За спинами у спорящих стоят свидетели. По правую руку – сонмы святых, подвижников, мучеников за веру. Так было и при Старой Никее, когда в первых рядах сидели страстотерпцы, пострадавшие во время Диоклециановых гонений (*выколотые глаза, сожженные руки, выбитые зубы*). Сегодня, в Новой Никее, за креслами левой руки стоят все мученики новой волны, потерпевшие от религиозного насилия, из разных концов земли. Стоят там и духовидцы, чьи пророчества были прерваны церквями, от лица которых они выступали. Дух, угашенный таким образом, пророчество, уничиженное таким образом, – ищут выхода. Согнутая ветка ищет распрямиться, арестант просится на волю. Стоят матери самоубийц, которых не дали похоронить на освященной земле, запретили отпевать. Стоят матери умерших младенцев, которых не успели окрестить, а священник сказал: извини, мать, твой ребенок в аду. В православии каждый мученик – на учете, за ним закреплена поминальная дата, точно персональная пенсия. Мучеников самого православия никто не учитывал, и календаря на них нет. Есть только незастывшая боль, что стучится в сердце, как пепел Клааса, и хочет быть услышанной и разделенной.

Кто подаст сигнал к началу работы нового собора? Вот эта книга. Кто будет председательствовать на соборе? Единый (*Константину как модератору доверия больше нет*). Никейское дело – не завершено. Арий не подписал орос, символ новой веры. Так что новому собору – быть.

Картина 1. В поисках Троицы

Тезис 1. Бог – это и Отец, и Мать
М.Фокс. Новая Реформация [12]

*Многие религии говорят о Боге в мужском роде.
В моих глазах он и Мать, и Отец.
Чтобы встретиться с Богом в его материнской форме,
Мы должны пройти через любовь.*
Х. Джебран, цит по [13]

*Если София есть Вся Тварь, то душа и совесть Твари –
Человечество – есть София по преимуществу. Если София есть Церковь, то душа и совесть Церкви
– Церковь Святых – есть София по преимуществу. Если София есть Церковь Святых, то душа и
совесть Церкви Святых – Ходатаица и Заступница за тварь перед Словом Божьим, рассекающим
его надвое, Матерь Божия, «Миру Очистилице» - опять-таки есть София по преимуществу.*
П.Флоренский. Столп и утверждение истины. [14]

1.1. Антиохия, поместный собор (в кулуарах), незадолго до Никеи. Арий и Афанасий. София

Афанасий. Безумствуешь ты, Арий! Большая ученость доводит тебя до сумасшествия.

Арий. Где-то я уже слышал.

Афанасий. В Деяниях, Фест говорит Павлу. Потому что чем дальше в лес, тем больше ты идиотничаешь и ерничаешь. Надоело уже пререкаться с тобой.

Арий. Полегче. Я в два раза старше тебя. Имей элементарное уважение к оппоненту. Спрашиваю еще раз: куда помещаешь Святую Софию?

Афанасий. Я тебе уже сказал: София – это Логос, Слово, Небесный Христос.

Арий. Тогда почему – «она», женского рода? Премудрость, Художница Творения? Она же – Хокма иудеев? Почему сразу не сказать – Логос?

Афанасий. Вообще не понимаю, из-за чего сыр-бор. Что это меняет.

Арий. Очень просто. Есть два типа премудрости. Премудрость божественная – Логос, и премудрость тварная – София. Логос символизирует Ум Божий, София – Красоту Божию. И они встречаются в творении, как бы совместно образуют его.

Афанасий. Ересь! А Гнев Божий что тогда символизирует?

Арий. Я же и говорю, что вы не в состоянии подвинуться ни на пункт. Уткнулись в свою троицу Отец-Сын-Дух – и носитесь с нею по церквям, как дурни с писаной торбой. Пошире надо смотреть на вещи. Неужели непонятно: как сейчас установим, так и будет жить Церковь тысячелетиями вперед. Ни к чему пороть горячку, а надо немного подумать еще. Помоделировать, так сказать.

Афанасий. Мне так сдается, что ты решил нам навязать Богиню-Мать.

Арий. А почему нет? У иудеев душа – руах – женского рода. У греков, пневма и плерома – среднего, но ближе к женскому, согласись. Я, кстати, отказываюсь ассоциировать Богиню-Мать и Святой Дух.

Афанасий. Следующий шаг – дьявола в Троицу сосватаешь. Троица – не резиновая, сразу тебе говорю.

Арий. Нет, давай все-таки вернемся. Афанасий, у тебя мама есть?

Афанасий. Есть.

Арий. А папа?

Афанасий. Папа умер.

Арий. Видишь, у тебя есть мама и папа. Почему всему творению отказываешь в таком же самом праве?

Афанасий. Потому что не надо путать дела Божии и человеческие.

Арий. Ты трактаты Гермеса Трисмегиста читал когда-нибудь?

Афанасий. Читал, бросил. Неудобоваримо. Языческая муть. Гностики просто кипятком писаются по нему.

Арий. А мне понравилось. Он так говорит: что наверху, то и внизу. Соответственно, верно и обратное. Есть семьи у животных, есть семьи у людей. Почему не предположить, что и у Бога есть семья?

Афанасий. Это не аргумент. Берем полевой цветок. Кто у него жена?

Арий. Пчела, разумеется. Вернее, наоборот: пчела у нее муж. Залезает вовнутрь, копошится там. Потом цветок зачинает, образует плод. Потом разбрасывает семена. Семена падают в почву, вырастают детишки у цветка-мамочки.

Афанасий. Ну хорошо, допустим. Хотя дурь немыслимая. Я не сказал, что я с тобой согласился, просто пытаюсь довести твою мысль до логического абсурда. Бог-Отец – первая ипостась. Бог-Мать – вторая. Бог-Сын – третья. А куда Святой Дух денешь?

Арий. Никуда. Нет его там.

Афанасий. Почему это?

Арий. Предположим, есть Солнце. И есть – солнечные лучи. Почему я должен лучи приравнять к Солнцу? Солнце испускает лучи, но лучи без Солнца не живут, и самостоятельной миссии у них нет. Афанасий, ты часто пукаешь?

Афанасий. А ты?

Арий. Глупая еврейская привычка отвечать вопросом на вопрос. Пукаю ли я? Да постоянно! Вообще не держится. Доживешь до моих лет – поймешь, каково старику живется. Вот и прикинь: должен ли я, Арий, рассматривать свое пуканье как некоторую самостоятельную субстанцию, со своей внутренней жизнью, неслиянной и нераздельной с моей?

Афанасий. Ты просто уже нюх потерял, богослов вонючий. Одно дело – Дух Божий, глаголавший пророкам, почивший на апостолах как огненные языки. А другое совсем дело – твоя старческая вонь. Нечего тут и сравнивать.

Арий. Ты, главное, не нервничай. Я, кстати, Бога-Сына тоже не рассматриваю в Троице.

Афанасий. А что, разве Христос – не Бог?

Арий. Нет. С какой стати. Сын Божий – еще не обязательно Бог.

Афанасий. «И Слово стало плотью – и обитало среди нас, полное благодати и истины» - это что, не свидетельство? «Я и Отец – Одно» - не свидетельство?! (*Афанасий явно нервничает*).

Арий. Это слова, написанные на пергаменте. Иоанн видел перед умственным взором одно, когда писал, ты видишь другое, я – третье.

Афанасий. Дух Божий продиктовал Иоанну! И Дух свидетельствовал Христу о том, что Он – Бог. Какие тут могут быть споры, я в толк не возьму.

Арий. Есть научные факты – типа, теорема Пифагора. Есть факты веры. И есть художественные образы. Бог-Слово, Логос-Бог – это я понимаю и с этим соглашаюсь. К нам в Палестину однажды

приезжал ученый индус, они себя называют «брахманами». Рассказывал, что у них на Востоке у богов есть так называемые аспекты, которые тоже почитаются богами. Например, Шакти – Богиня-Мать. От нее почкуются Кали – богиня уничтожения, Лакшми – богиня достатка, и еще десяток других богинь. Смекаешь? Бог-Логос, Сын Отца – принимается. С таким же успехом, можно придумать Богиню-Софию, Дочь Отца. Иисус из Назарета, воплощенный от Логоса, подобосущный Логосу, аватара Логоса, в восточном смысле слова, – нет возражений. Но причем тут Бог?

Афанасий. Единосущный Богу, а не подобосущный – сколько раз можно твердить! И что за аватара еще такая.

Арий. Пример приведу, на понимание. Ты когда-нибудь видел, как пекут антиохийские вафли на местном базаре?

Афанасий. Видел. И что?

Арий. Пекарь берет вафельное тесто, выливает его на горячую фигурную форму, а затем что есть сил прижимает к этой форме такую же. Держит минуту – а затем отбрасывает получившиеся вафли на поднос. Если вафля пригорает, он ее выковыривает из формы ножиком. На одной стороне вафли – тиснение в форме рыбы, на другой – буква «А». Вопрос на понимание: вафля единосущна с вафельницей – или подобосущна ей?

Афанасий. Арий, знаешь, в чем твоя проблема?

Арий. Знаю. В том, что я трачу свое драгоценное время на таких упертых дебилоидов, как ты.

Афанасий. Нет. Ты рассуждаешь о Боге по-человечески. Все твои примеры, что ты привел – они профанация Божественного Промысла, его унижение. Ты сравнил Бога-Логоса с вафельницей, - и у тебя внутри ничего не шевельнулось даже, и мысль не закралась, что пекарь вафлю творит, а Отец Сына - порождает. Ты еретик не потому, что ты дикий язычник или глупый обыватель, а потому, что ты со всей своей ученостью, со всем своим багажом, пытаешься пролезть в Царствие Небесное, как верблюд в игольное ухо. И не пролезешь, заверяю тебя. Арий, ты не прост, ты сложен, но твоя сложность – синоним разъятости. Дети – они цельны, они просты. Будь как дети, Арий. Это не я тебе говорю, но Христос. Прими, если угодно принять.

Арий (через паузу) Устыдил ты меня. Я подумаю над тем, что ты сказал, но позже. Ты навел меня на одну знатную догадку. Написано у Матфея: «Авраам родил Исаака». Это что, истина в последней инстанции или фигура речи?

Афанасий. Это образ. У иудеев так принято считать.

Арий. А кто по факту родил Иисуса, можешь сказать?

Афанасий. Богородица.

Арий. Что-то я плохо расслышал. Как ты ее назвал?

Афанасий. Мария из Назарета, мать Иисуса. У нас повелось Ее так называть, в своем кругу. Раз Христос – Бог, значит Мария – Богородица. По-моему, логично.

Арий (пораженный). Ты даже представить себе не можешь, как это логично. Иисус – Бог. А Мария из Назарета – Богиня?

Афанасий. Нет. Земная женщина.

Арий. Ты всерьез уверен, что земная женщина может родить Бога?

Афанасий. Если она чистая и непорочная Дева – да. Без мужнего семени, без оскверненного соития, без рушения девства при зачатии и рождении.

Арий. Так только Богиня и может родить. Земная женщина – без брака, без мужа, без брачного ложа, без семени, без зачатия и без рушения девства при родах – не родит никогда. Таких примеров нет и не будет. Ты меня все попрекаешь земными примерами. А я смотрю на вас и думаю: ребята улетели в космос, а на землю возвращаться не хотят. Знаешь, что будет, когда вы Христа признаете Богом, когда победит ваша точка зрения?

Афанасий. Что?

Арий. Мария из Назарета будет немедленно признана Богиней. За скобками вашей пресловутой троицы. Возникнет богородичный культ. Ей будут поклоняться, воздвигать статуи и храмы, писать иконы. Христу не будут так поклоняться, как Ей. И знаешь, почему?

Афанасий. Ну?

Арий. Потому что Богиня, рождающая Бога – превосходная пара для почитания. Деваки и Кришна, Изиды и Гор. Все бы и ничего, но один вопрос. Какое отношение это будет иметь к Иисусу из Назарета? К Его учению? К Его этике? Скорее всего, никакого. Очень быстро все это выродится в банальное идолослужение, в обряд. Ты любишь Христа, Афанасий?

Афанасий. Да.

Арий. Тогда я призываю вашу группу еще раз все взвесить. Подумайте о Богине-Матери, о Софии. Перестаньте все время оглядываться на иудейский закон, этот закон изветшал. Хватит вам быть иудеями с этим патриархальным уклоном, с этим давлением Отца над Матерью, с беспонтовым обрезанием и бараньей жертвой за грехи. «Авраам родил Исаака». Мужики не рожают, это тупость; Сарра рождает! А до этого она еще и носит Исаака, а потом – кормит грудью, ночами не спит. Возьмите Бога-Логоса (*Сына*) – и Богиню-Софию (*Дочь*). Вот вам две ипостаси. Отца рассмотрите как непроявленного Бога, которого «никто никогда не видел», по Иоанну. Не делайте его ипостасью, выведите его за скобки. Закрепите Отца и Мать за Логосом и Софией соответственно. Ведь Сын когда-то становится Отцом, а Дочь – Матерью, это – естественный ход вещей. Тогда Иисус – аватара Логоса-Отца (*не Бог*), а Мария – аватара Софии-Матери (*не Богиня*). Отец плюс Мать – двоица, два извечных начала.

Афанасий. А третья ипостась такого Бога?

Арий. Иисус.

Афанасий (*обрадовано*) Значит, Иисус - все-таки Бог?

Арий. Конечно. В этом смысле, как я сказал. Бог и сын Божий. И Мария, которую вы Богородицей почитаете.

Афанасий (*настороженно*). Она тоже?

Арий. Конечно. Богиня и дочь Божия. Здесь отличия нет. И ты.

Афанасий (*с нарастающим раздражением*). А я-то сюда как затесался?! Опять идиотничаешь?

Арий. Вовсе нет. Ты же ведь сын Божий, как и Иисус. Разве Христос не к этому нас звал – делаться как Он, делаться Им? Разве сам пример Марии, стоящей у Распятия – не поучение для всех матерей Земли? Разве мать, рождающая свое дитя несовершенно, в муках, в криках, в испарине, - разве она не заслужила звание дочери Божьей - за все, что она делает?

Афанасий. И что же, я по-твоему – Бог?

Арий. Перечитай Псалом 81: «Бог встал в сонме богов». Ты – бог, с маленькой буквы. Элохим по-иудейски. Сущность, обладающая знанием, волей и властью.

Афанасий. Сталбыть, ты – тоже ипостась Бога?

Арий. Конечно. Вы же без меня пропадете. Я такой же элохим, как и ты.

Афанасий. А где ты – там, разумеется, и сатана!

Арий. Боюсь, что так. Только есть сыновья, а есть – пасынки. Сатана и бесы – пасынки. Но они вернуться. Ориген так считал.

Афанасий. В каком смысле «вернуться»?

Арий. Сделаются сыновьями. Читал у Луки про возвращение блудного сына? Это Христос о них говорил.

Афанасий. Ну и когда они, по-твоему, вернуться?

Арий. В конце времен.

Афанасий. И Христос им обрадуется? Оденет их в пурпур, подарит всем по кольцу, закатит обед?

Арий. Не исключается. Когда их помогут и причешут – они, может, и ничего будут смотреться.

Афанасий. А Страшный суд?

Арий. Отменяется.

Афанасий. Ладно (*Через паузу*). Я жалею, что затеял этот разговор. Ты все-таки идиот. Старый пропуканный еретик. Умрешь нехорошей смертью, помяни мое слово (*Порывается уходить*).

Арий. И тебе не хворать. (*Зовет*) Афоня!

Афанасий (*останавливается*) Ну чего тебе еще.

Арий. Забыл тебе сказать. Цветочек – бог. Пчелка – тоже бог. Они повсюду!

1.2. Герлиц. Якоб Беме. Дева-София

Из Божественного Ничто, из Ungrund'a в вечности реализуется Бог, Бог Троичный; Бог Троичный творит мир. Это значит, что в вечности существует теогонический процесс, богорождение. Самое время и история есть внутреннее содержание божественной драмы в вечности. Это гениальнее всего раскрывает Я. Бёме. И менее всего это означает пантеизм.

Н.Бердяев [15]

Дорогая Фредерика!

Я вернулся домой, в Герлиц, и сажусь писать тебе с первойшей оказией. Прости, что так долго молчал. Тут, конечно, никакие оправдания не годятся. Ты – мой первейший друг и собеседник, а я – просто поросенок. Простишь?

Здесь пастор, отец Герман – очень приятный человек. Какое-то счастливое исключение из всего того, что я видел доселе. Иной раз кажется, что вся эта клоунада с переодеванием сутан, когда католики рядятся протестантами, и обратно, может ввести в заблуждение только простецов. Рыла-то под сутаной не спрячешь. А рыла остались те же самые, как их ни ряди. Но отец Герман – он другой. Мы с ним часто беседуем о всякой всячине. Герлиц – городок маленький, и поговорить тут не с кем, прямо скажем (*жена и дети – не в счет, они много устают от моей учености, и я не стремлюсь окончательно довести их до озлобления на меня*). Скажу, что отец Герман весьма блистал бы в Гамбурге или в Лейпциге, при наипервейших соборных кафедрах, - но его как бы специально сослали в глушь, чтобы не мозолил глаза. Чем ближе к столицам, кажется, тем меньше приличных людей, такое впечатление.

Ну вот, ты опять будешь сокрушаться, что я всех сужу да ряжу, а в своих очесах бревна не усматриваю. Тут ты права, конечно. Потому что ты ангел, и я – принимаю твои укоры всецело. Но только от тебя, ты вправе меня корить. От остальных – не принимаю ничего. Пусть сначала попасут овец, как я с малолетства, до потачают сапоги до кровавых мозолей, как я же.

Недавно повторно издали сочинения Мартина Лютера, и отец Герман принес мне эту книгу на пару дней. Сказал – тебе нужно это прочесть. Я, честно сказать, Лютера недолюбиваю. Человек мало

вменяемый, одержимый, в прямом смысле слова. Видел бесов, швырялся в них чернильницей. И все беды современной Европы – от него. Да, была ложь индульгенций, ложь папства. Но не всякая ложь стоит той крови, которая из-за нее льется по городам. Потому что поверх этой крови встает новая ложь, темнее прежней. Думаешь, кто мне шесть лет не давал проходу, запрещал сочинять и издаваться? Папа? Никак нет! Все те же протестантские морды... И все те же костры смердят горелым человеческим мясом, и все тех же ведьм жгут, все те же святые праведники. Что изменилось-то?.. Прости, больше не буду.

Но Лютер! Я перелистываю, справа налево, слева направо, так беспорядочно шебуршу страницами, словно бы в расчете на то, что за меня это прочтает кто-то другой, а я – просто восприму, без усилий. И тут случайно мой взор падает на кусок из Лютерова комментария на Послание к Галатам. И вот что я читаю:

"Все пророки видели в духе, что Христос будет величайшим разбойником, прелюбодеем, вором, нечестивцем, богохульником - больше которого никогда никто в мире не был".

И дальше о том же:

"Бог послал Своего Единородного Сына в мир и возложил на него все грехи, говоря: Ты - Петр, тот, который отрекся; Ты - Павел, насильник и богохульник; Ты - Давид, прелюбодей; Ты - грешник, съевший яблоко в раю, Ты - разбойник на кресте, Ты тот, кто совершил грехи всех людей".

И тут я сделался словно бы больной. Сперва, в ту же секунду – я простил Лютеру все, за эти его великие слова, все беснование, всю кровь и все костры. Ибо он изрек истину такой силы, которую до него не изрекал никто. Потом я закрыл книгу, надел башмаки и вышел из дому. Я шел, куда глаза глядят, не разбирая дороги, за городские ворота, в поля. Мне надо было остаться одному, чтобы справиться со всем этим, чтобы переварить, вместить, усвоить. Я словно бы взял себе за пазуху горящие уголья. И теперь их следовало тушить, чтобы не сгореть самому.

Громыхнуло в небе, пошел дождь. Я завидел одинокое дерево посреди ржи, спрятался под его кроной. Гроза быстро прошла, вышло солнце. А я так и остался сидеть под деревом. Редкие капли падали с ветвей, прямо мне за шиворот. Но мне это даже нравилось. Словно бы охлаждение посылал мне Господь, на мой воспаленный ум.

Мне надлежало прокомментировать Лютерову мысль. Для начала, самому себе. Да, Христос рождался не на ложах царских, но в хлеву. Посылался – не праведникам, но грешникам. Излечивал – не здоровых, но больных. Умирал – не на царском одре, коего заслуживал сверх всякой меры, но на кресте, распятый меж двумя разбойниками. Он был Агнец, вземлющий на себя все грехи мира. Но что это означает фактически – принять грехи? Означает вот что: сделаться тем, кто грешит, войти в эту грешную вонючую шкуру. Безгрешному – унизиться до греха. Зачем? Чтобы избыть этот грех – Собою – изнутри грешащего человека.

Пока складывается, пойдем дальше. Кто грешит? Христос? Нет, но человек, в недрах которого живет Христос, как некая альтернатива безгрешия. Христос входит в человека, как Младенец рождается в коровьи ясли. Христос обитает в человеке – и терпит смрад греха, совершаемый человеком по доброй воле. Христос не имеет власти запретить человеку грешить, ибо человек свободен в своей воле. Но

Он имеет власть, как Врач, пособствовать исцелению человеческому, коли человек, искалеченный грехом своим, воззовет об исцелении ко Врачу. Ибо человек больной – это человек безвольный, которому недостает сил быть здоровым. И тут требуется помощь Врача.

Но из этого следует много больше, чем высказано Лютером. Мир, первоначально отпавший от Бога, носит в недрах своих не только грех, смерть и проклятие. Но и – Христа. В каждой травинке, в каждом дуновении ветра – Христос как Всетворение, как Слово, образующее Творение. Сказано в сто пятидесятом псалме: «Всякое дыхание да хвалит Господа». Что значит «хвалит»? Значит – носит в себе, и, прозревая Это в себе, поет свою внутреннюю суть. Ибо, если бы не было бы в Творении этой предельной жажды слиться со Творцом, снова о-Божиться, - мир бы давно рухнул. Что удерживает Творение целокупно, как единую сущность, что позволяет тварям – быть? Первичная энергия Создателя, вдунутая Им в творение от Начала? Да, но и не только. Мы знаем, что всякая жизнь, явившись на свет, однажды умирает, уходит в небытие. Но здесь, под солнцем, рождение совершается снова и снова. Создатель не перестает создавать, Он – за работой. И то, что, казалось бы, обречено на смерть, уцелевает. И мало этого – как зерно, падающее в землю, дает много плода.

Что означает евангельское «зерну надлежит умереть»? Означает – старому творению лечь в основу нового. А что означает таинство преломления хлеба? То же самое. Христос становится хлебом, ломимым во имя жизни. И эту жертву Христову нам надлежит вместить в себя, вместе с хлебом, чтобы остаться в живых, опознав Христа внутри себя. Потому что без Христа – мы жизни не имеем. Христос умирает в нас для того, чтобы мы жили. Равноценно – мы умираем Христа ради, чтобы Христос жил в нас. Здесь что-то, напоминающее вечность и бесконечность, змею, кусающую собственный хвост. Христос питает нас, мы – питаем Христа. Наши души, словно бы светящиеся элементы, составляются в гирлянды и в созвездия. А Христос – обнимает все эти наши созвездия, вмещает внутрь себя, словно бы дает нам приют в Своем Сердце. И мы – становимся Одно во Христе, одна Церковь. Творение – это Храм, где мы – кирпичики. Причем Храм, не на века однажды выстроенный от Начала – но творимый каждую секунду, вплоть до обрушения кровель, словно бы Соломонов храм в Иерусалиме. Но немедля – воссоздаваемый в новой красоте, на новом месте.

Ах, как мне сделалось хорошо от этих моих мыслей. И я горячо возблагодарил Бога, что снабдил меня этими открытиями, позволил им проступить во мне. Я возвращался в город, совершенно выздоровевший и окрыленный. Вот такие, собственно, у меня новости.

Я тебя утомил своими умствованиями? Однажды ты спросила меня, в чем я вижу разницу между Христом и Девой-Софией. Мне нечего тебе ответить. Возьмем Троицу: Отец, Сын, Дух. Есть между Ними разница? Нет никакой, ибо Единое – неслиянно и нераздельно. Словами здесь не поможешь и ничего не расскажешь. Это надо было бы увидеть воочию, как Троиединое Солнце. Но не всем дано. Да и не всем это полезно. Этот Свет – может и испепелить. «Ибо Бог наш есть Огонь Поядающий», так в Писаниях.

И есть ли различие между Богом и Его Премудростью? Мне было однажды такое видение, я тебе рассказывал, что Дева-София, как Премудрость Божия, спускалась ко мне, навестила меня своей благодатью. Это как история с Авдием, который пас овец, а затем на него снизошла благодать Божия, и он стал пророком. В точности мой случай. Я пас овец, и на меня это снизошло, и накрыло меня, словно покрывалом. Я видел образ – прекраснейший женский образ, из всех образов, видимых мною доселе. Я слышал ее голос – прекраснейший из голосов. Я обонял ее – так не благоухают никакие

цветы под солнцем. Сколько это продолжалось? Минуту, час, год? Не знаю, потому что там, куда меня перенесли, время не течет. Потом я уже сообразил, что прошел целый день, пока я находился в беспамятстве, но овцы мои не разбежались. Они словно бы поджидали, когда я вернусь из небесного моего странствия, чтобы вернуться домой вместе со мной.

Это была Божья Матерь? Можно сказать и так. Но – как бы никогда не носившая и не рожавшая Христа, а еще только готовящаяся носить и рожать. Дева от Начала. Она говорила, говорила многое, и то, что словами не перескажешь, этих слов человеческий язык не знает. Эти неизреченные слова легли мне в самое сердце, и теперь я ношу их, они мне – словно бы маяки, по ним я веду свой маленький кораблик. Что она говорила явно? Про жемчужину – как драгоценный дар, посланный людям с небес, которым они пренебрегли. И теперь ищут эту жемчужину. Покупают целые поля, чтобы ее обрести. И – не находят, потому что не готовы найти, нечисты. Жемчужина – это не бисер, чтоб метать его пред свиньями, и не святыня, которая опрометчиво бросается псам. Это сокровище сокровенного знания и сокровенного блаженства, которое охраняет само себя, не дается в нечистые руки, и нечистый ум не в состоянии помыслить о нем.

И, прежде чем обрести сию жемчужину, нам, несовершенным, надлежит еще многое пройти и испытать, соделаться словно бы сталью, плавимой в горниле, горшками, обжигаемыми в печи. Все, что мы нажили, весь наш суетный опыт – все должно пройти испытание и переосмысление. Ибо мы должны приуготовить себя к принятию бесценного дара. В нас должна выковаться словно бы оправа под эту жемчужину, и эта оправа – ювелирное украшение души нашей.

Она говорила о целомудрии тела, о целомудрии души и ума. Мы все это понимаем настолько неправильно и убого, что и не поправишь в одночасье. Мы не понимаем, что девушка может носить природное девство – и оставаться невозможно порочной в своих помыслах, так что ее девство от природы выступает ее как осуждение, как укор. Что целомудрие – это не бесполость и не удерживание себя от соития, - но содержание своего состава в целости и в сохранности. И любая мать, которая любит своего мужа, своих детей и свой дом, которая ищет удержать все это в целости – девственная в своей основе, и пусть муж хоть каждую ночь восходит на ее ложе, ее девственность не нарушается. Напротив, горе тем женам, которые, во имя ложно понятого долга, под гнетом несусветных правил и требований, превращают жизнь своих домочадцев в ад кромешный. Они оскотворяют жизнь и опресняют ее, думая тем самым, что так они служат Богу. У нас в Герлице все приходы забиты этими одурманенными своей мнимой праведностью старухами ... даже заходить не хочется.

Много я наговорил, пора остановиться. Фредерика, я поросенок, я тебе пишу редко, через раз. Но это не значит, что я тебя забыл. В тебе самой живет Дева-София, ты ее как бы приютила в своем сердце, и это проступает сквозь тебя, делает тебя ангелом во плоти. Объяснить не могу, я просто это вижу. Спасибо Богу за то, что ты у меня есть. Привет от меня Карлу. Если он все еще ревнует тебя ко мне, то это просто глупо, так ему и передай.

Храни тебя Христос. Тебя – и твоих.

Твой Якоб.

1.3. Этрурия. Валентин и Секунд. Три в трех, девять в одном.

Берег Адриатического моря, неподалеку от Рима. По берегу моря бродят два философа-гностика: Валентин и его ученик Секунд. Валентин – это я.

Валентин. Надо исходить из того, что соблюдается подобие. От высших к низшим, от Небес к Земле. Гермес Триждывеличайший прав. Что наверху, то и внизу.

Секунд. А, значит, верно и обратное. Наблюдая природу и ее законы, мы угадываем законы высших сфер. Это и есть гнозис – познание высших в низших.

Валентин. Да, мы это проговаривали с тобой раньше. И каков же, по-твоему, главный природный закон, на котором базируется все мироздание?

Секунд. Чадородие.

Валентин. Близко. А еще точнее?

Секунд. ? (*у него нет ответа навскидку*).

Валентин (*приходит ему на помощь*). Ну что предшествует чадородию?

Секунд. Зачатие.

Валентин. А зачатию?

Секунд. Слияние.

Валентин. А непосредственно слиянию что предшествует?

Секунд. Намерение к слиянию. Обоюдная жажда.

Валентин. Sic! Точнее и не скажешь. Есть мужской пол, есть женский, они оба неполны – и ищут дополнения друг друга до целого. словно бы Демиург рассыпал исходные целостные вещи на половинки, и эти половинки непрерывно ищут друг друга, чтобы восстановить утраченную цельность. Как там у Лукреция: (*цитирует*)

*Как постоянно во сне, когда жаждущий хочет напиться
И не находит воды, чтоб унять свою жгучую жажду,
Ловит он призрак ручья, но напрасны труды и старанья:
Даже и в волнах реки он пьет и напиться не может, -
Так и Венера любви только призраком дразнит влюбленных:
Не в состояньи они, созерцая, насытиться телом,
Выжать они ничего из нежного тела не могут,
Тщетно руками скользя по нему в безнадежных исканьях,
И наконец, уже слившись с ним посреди наслаждений
Юности свежей, когда предвещает им тело восторги,
И уж Венеры посев внедряется в женское лоно,
Жадно сжимают тела и , сливая слюну со слюною,
Дышат друг другу в лицо и кусают уста в поцелуе.
Тщетны усилия их: ничего они выжать не могут,
Как и пробиться вовнутрь и в тело всем телом проникнуть.*

Секунд (*думая о своем*). А ребенок, получается, – третье начало? Тогда он в эту схему не вписывается.

Валентин. Как это не вписывается? Очень даже вписывается! Та жажда, что лежит в основе соединения полов, разрешается в слиянии. Но слияние – это не конец движения природы, а только самое его начало. Слияние неизбежно сопряжено с зачатием и чадородием. Если зачатия нет, а есть

бесплодие – что-то в мироздании испорчено и подлежит уничтожению. Женщина теряет способность зачинать в 40 лет. Значит, она мирозданию уже не нужна. Бесплодие – начало смерти.

Секунд. Это жестоко. Получается, коли ты бесплоден – так тебе уже и помирать пора?

Валентин. Не совсем так. В живой природе так и получается, как ты сказал. Там бесплодие – это смерть, как отдельного животного, так и популяции. Репродуктивный период прошел – пожалуйте на выход. Человеческая природа – она иная. Там не только материя участвует в человеческом устройении, но и Дух Божий. Значит, бесплодие в общем смысле – это одно дело, а духовное бесплодие – другое дело. Можно утратить способность к размножению, но духовные силы – сохранить. Тогда твое присутствие на белом свете – оправдывается.

Секунд. Сразу и не ухватишь.

Валентин. Время нужно. Я над этими вопросами бьюсь всю жизнь. Мы с тобой и часа не проговорили, а ты уж хочешь за раз все вместить и все понять. Невозможно это. С этими мыслями надо походить по берегу моря.

Секунд (*через паузу*). Я счастлив быть твоим учеником, Валентин. Судьба не каждому человеку посылает учителя.

Валентин. Спасибо. Но я не менее счастлив иметь такого ученика, как ты. Учителство и ученичество – вещи обоюдные. Но довольно нам хвалить друг друга, как звери из эзоповой басни. Вернемся к дискуссии. На чем мы остановились?

Секунд. На том, что слияние оправдывается чадородием.

Валентин. Да. Демиург не просто разрывает исходное целое на половинки, чтобы они нашли друг друга и дополнились до целого. В этом нет финального смысла. Легенда – не полна. Две половинки, в слиянии своем, должны найти себя в третьем – в плоде, в ребенке, в котором оба начала – мужское и женское – должны найти свое продолжение, свое отражение и выражение. У сына – мамины глаза, папин нос. И это – вечный процесс. Природа – бессмертна. Закрепим. Что лежит в основе бессмертия природы?

Секунд. Исходное двуначалие, которое ищет преодолеть, снять себя в третьем начале.

Валентин. Браво. Я подвел тебя к той же самой мысли, что пришел и сам много лет назад. Итак, бессмертие природы заключается в ее троичности. Это – самый главный закон. Мужское, Женское, Детское. Отец, Мать, Дитя. Триада – основа живой Вселенной, ее базовый элемент. Но это только самое начало дискуссии. Нужно подниматься с земли на небо, проводить гнозис, искать подобие низшего в высших. Какой первый уровень подобия?

Секунд. Боги?

Валентин. Нет, бери ниже.

Секунд. Ангелы? Архонты?

Валентин. Да, и ангелы, и архонты. Я бы так сформулировал – Мир Душ. Если души – дети, то кто их порождает? Кто им отец, а кто им мать?

Секунд. А мать обязательно должна быть?

Валентин. Разумеется. Мы же договорились: что в высших, то и в низших, и наоборот. Мы нашли триаду внизу. Там есть: Отец, Мать, Дитя. До самого верха еще не добрались, давай искать срединную триаду. Как, по-твоему, формируется душа, что там должно быть внутри?

Секунд. Идея.

Валентин. Молодчина. Как говорит наш коллега Аристотель, лошадность как чтойность лошади. Значит, должен быть аспект у Бога, отвечающий за идейный план, за чтойность. Как ему имя?

Секунд. Думаю, Логос?

Валентин. Конечно. Ты знал! Как там у апостола Иоанна? «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Логос как аспект Божества.

Секунд. Сын Божий? Иисус Христос?

Валентин. Тут намечается большая путаница в мозгах у тысяч богословов, и я бы не торопился подыскивать аналогии. Давай пока говорить просто «Логос». Он – Отец Душ. Ты, кстати, читал Иоанново благовестие?

Секунд. Само собой.

Валентин. И что, понравилось?

Секунд. Очень. Совершенно не похоже ни на что из того, что было написано раньше: Иаковом, Матфеем и другими. Словно бы написано поперек исторического плана.

Валентин. А цель была другая: не пересказать историю Христа, а изложить суть того, чему учил Христос. У тебя остались вопросы после прочтения?

Секунд. Да нет, вроде. Написано доходчиво.

Валентин. *(вздыхает)* А у меня вот осталась пара вопросов. Но сейчас неважно. Есть Отец-Логос. Но сам он родить Творение не может. Нужна Мать, которая возьмет идею от бестелесного Логоса и проявит ее, сделает ее осязаемой и зримой. Кто может нам послужить в качестве Матери Душ?

Секунд. Святой Дух?

Валентин. Знаешь, есть у греков такая забава – крестословица. Вычерчивается мелом на грифельной доске система из пустых квадратиков. И надо отгадать, какие слова в какие клетки можно вписать, чтобы на пересечении слов были одни и те же буквы. Вот ты сейчас делаешь то же самое. Все сколько-нибудь пригожие сущности хочешь воткнуть в пустые квадратики. Это – довольно глупая угадка. Давай приложим рассуждение к нашим поискам.

Секунд. Согласен. И что нам делать?

Валентин. Все то же самое. Собирать признаки, сличать их, анализировать, вырабатывать сложные знания на основе ряда знаний простых. Проблема только в том, что богословие не опирается на факты физического мира. Оно базируется на догматах и фактах веры. Мы можем формулировать постулаты, атомы веры. Но мы не можем их достоверно проверить. Все, что мы можем – это только выводить одни послылки из других. Это называется спекулятивное богословие. Но другого у нас нет. Правда, есть еще один путь, но он не по нашу душу.

Секунд. Какой?

Валентин. Мистика. Прямое погружение в Божественное. Ум приглушен, участвует только сердце. Молитвенный опыт, опыт безмолвия, опыт стяжания Фаворского света.

Секунд. Почему же этот путь – не для нас?

Валентин. А нам будет жаль пожертвовать своим умом. Мы будем цепляться за него до последнего. Так уж мы устроены. Что ж, будем умствовать и книжничать, куда нам деваться. Итак, нижняя триада, давай отталкиваться от нее. Рассмотрим последовательность свойств женского и мужского начал. Что привносит в мир мужчина?

Секунд. Идеи. Веру. Тяготение к Небу. Силу и честь. Твердость. Потенцию. Поспешность.

Валентин. Я бы добавил: превалирование рации над эмоцией. А женщина?

Секунд. Красоту. Нежность. Преобладание эмоций над рацией. Слабость и грацию. Тяготение к Земле, через чадородие. Осмотрительность. Выносливость.

Валентин. Давай теперь искать, какой женский аспект Божества отвечает за все, перечисленное тобою. С поправкой на Мир Душ.

Секунд. Я, честно сказать, затрудняюсь. Да и есть ли у Божества этот самый женский аспект. Прокручиваю в голове Писания – и ничего пока не нахожу, никаких соответствий.

Валентин. Да, здесь реальная проблема. Яхве – он только Отец, по всем писаниям проходит. А мы с тобой еще раньше говорили, что Бог – это не только Отец, но и Мать. Иудеям нужен был Бог-Папа, который бы их бодрил, постоянно взнуздывал, укорял и запугивал. Это был такой способ с ними

работать, с этим жестоковыйным народцем. Грекам – был нужен такой же Бог, но это не все о Нем. Вспомни, как родилась Афина – вылетела бабочкой из черепа Зевса. Нужен был – Живородящий Бог, внутри Которого удобно помещались бы и другие боги. В том числе – Афродита, богиня Любви.

Секунд. Почему – внутри?

Валентин. Потому что отдельные, локальные боги – это частные случаи Главного Бога. Зевс как бы делегирует Марсу, Аполлону, Афине, Артемиде некоторые свои отдельные аспекты: любовь, войну, природу, смерть, четыре ветра по сторонам света и прочее. Своеобразное тематическое разделение. Но, в принципе, Зевс мог бы справиться со всем этим и сам. Тогда бы он назывался Яхве. В этом и суть единобожного подхода. Но и при Яхве должен был бы состоять кто-то, кто обслуживает женский аспект, манифестирует его.

Секунд. Подозреваю, что ты знаешь ответ. И нарочно меня задоришь.

Валентин. Да, я знаю ответ. Но я не хочу, чтобы ты приходил на готовенькое. Бесплатно добытые истины не ценятся. Ладно, подсказка. Кто в иудаизме отвечает за Премудрость Божию?

Секунд. Хокма. *(через паузу)*. А, теперь понял. София. Притчи.

Валентин. Правильно. Читал Премудрость Соломонову и Премудрость Сирахову?

Секунд. Книги, которые иудеи отказались включать в Ветхий Завет? Потому что потеряли оригиналы на арамейском в период вавилонского плена? Да, читал, но давно.

Валентин. Там очень много о Софии. Путаница в том, что Соломон, поминая Премудрость, не раскрывает, о каком типе Премудрости он говорит – о Логосе или о Софии. Он называет Софию Художницей Твари. Что за этим кроется – красота, присущая творению, или идея, лежащая в его основе? Мысль или эмоция? Также непонятен энергетический аспект. Отвечает ли София за энергетику творения, за его материальную сущность? Или в пантеоне должен быть кто-то еще? Например, богиня Гея и бог Гефест? Как бы там ни было, есть два вывода из всего сказанного. Первый вывод: у Души как у Дитя должны быть родители. Отец Души – Логос (мужское). Мать – София (женское). Второй вывод: мы говорим о Единой Душе, в которую все остальные души творения входят составными частями. Можно говорить, что этой Высшей Душой является Христос. Христос – Сын, Дитя. Поэтому ассоциировать его с Логосом-Отцом у меня лично нет никакого желания. Несмотря на Евангелие от Иоанна.

Секунд. И тем более – отождествлять человека Иисуса из Назарета и Высшую Душу Христа. Можно говорить о том, что Иисус наилучшим образом олицетворил Христа – в человеческом облике. Архангел Гавриил – не менее полно олицетворил Христа в ангельском облике. А разве мать Иисуса Мария – не олицетворила Христа? Если следовать этой логике.

Валентин. Разумеется, олицетворила! Я, собственно, к этому и веду. Иисус Христос, Мария Христос, Гавриил Христос. В общем, мы замкнули рассмотрение второй триады. Отец – Логос, Мать – София, Дитя – Высшая Душа. Я бы так сказал даже: Дитя – Одушевленное Творение. Мне категорически неприятен первый стих Книги Бытия: «Земля была безвидна и пуста, и Дух Божий носился над водою». Не может быть никакой мертвой земли и неодушевленной воды. Вся Вселенная – одушевлена, нашпигована душами, как булочка изюмом. Я бы даже так сказал: в Творении нет ничего иного, кроме душ и их союзов, колоний. Материя – это миф. Нет никакой материи, никаких там атомов. Есть только более или менее плотно организованная пустота.

Секунд. Демокрит бы не согласился с тобой.

Валентин. Плевал я на Демокрита и ему подобных. Платона надо читать, а не засорять себе голову всякой античной шелухой.

Секунд. Меня подмывает перейти к высшей триаде. Что же получается в сумме – три в трех и девять в одном?

Валентин. Ты замечательно сформулировал! Базовый гностический принцип ухватил – причем с лету, безо всякой подготовки. Самое лучшее в мире – оно как раз так и рождается, на озарении. Буду писать книгу – сошлюсь на тебя. Считаю, что ты уже в вечности.

Секунд (*улыбается*). Спасибо, учитель, я польщен. Но, если и в вечности, то только после вас.

Валентин. И у тебя когда-нибудь будут ученики. Эта цепь не должна прерываться, уясни себе это крепко. Нас очень мало – любителей истины, пекущихся, прежде всего, о небесном, и уж потом – о земном. Нас можно перечесть по пальцам, и мы должны держаться друг за дружку, не выпускать из внимания.

Секунд. Хорошо, я усвоил.

Валентин. Вот теперь, пожалуйста, весь синтез – сам, от начала до конца. Заодно и проверим, что ты фактически вынес из нашей беседы.

Секунд (*размышляет вслух*). Отец, Мать, Дитя. Отец – Бог-Отец, например, Зевс. Его сын в срединной триаде – Логос, или Аполлон. Мать – Богиня-Мать, например, Гея. Ее дочь в срединной триаде – София, или Афина. Теперь Дитя. От слияния двух Богов может родиться только Бог. Назовем - Бог-Дух. Он наследует от Отца и Матери. Высшая троика проецируется на срединную троичу. Отец становится Сыном. Мать становится Дочерью. Дух становится Душой. Теперь еще один фазис нисхождения. Сын становится внуком – отцом во плоти. Дочь становится внучкой – матерью во плоти. Душа приобретает плоть, становится ребенком. Кажется, ничего не упустил. Ах да, еще одно. Бесконечный процесс Творения – это непрерывная генерация триад, небесных и земных. Это – два непрерывных процесса. С одной стороны – нисхождение Бога в Творение. С другой стороны – возгонка Творения к Богу.

Валентин. Молодчина, Секунд. Ты справился. Позволю себе дополнить. Все это существует единомоментно. Нет отдельно Сына от Отца, нет отдельно внука от Сына. Нет отдельно Матери от Дочери и Дочери от внучки. И человек, и любое Творение – трехсоставны, трехчастны: тело, душа, дух – по восходящей. Душа наследуется от духа, тело наследуется от души, является продолжением души. Наследование идет по двум линиям одновременно – по нисходящей вертикали плана Творения и по горизонтали внутри одного уровня в плане Творения. До этого мы описывали только горизонтальные триады для каждого из уровней Творения: верхняя, срединная, нижняя. А сейчас это надо дополнить тремя вертикальными триадами: отцовская, материнская, детская. Получается двумерная решетка «три на три», и каждый узел в этой решетке – это умопостигаемая сущность. Всего девять сущностей. Когда мы говорим «три в трех», мы понимаем, что любая сущность в решетке одновременно участвует в двух триадах – в горизонтальной и в вертикальной. А когда мы говорим «девять в одном», мы свидетельствуем о Единстве Всего во Всем, о неслиянности и нераздельности всех сущностей в Едином Боге, который вмещает в себя всех Отцов, Матерей и Детей.

Секунд. Такое впечатление, что ты все это знал и раньше ... И просто сейчас – сформулировал залпом, в отточенной форме.

Валентин. Да, я знал. Скажу тебе больше: Гермес Трисмегист это тоже знал. Но он не захотел это записывать. Предпочел передать изустно, как последнюю и главную из тайн. Не захотел доверить профанам. Предпочел – передать по цепи своим ученикам. Однажды мой учитель, Аполлоний Тианский, передал мне эту тайну, как сейчас я передаю тебе. Но он не назвал мне ряда ключевых моментов, а предложил мне додумать их самому. На том мы и расстались. А вскоре его отравили, при Нерве. А сказали – умер от старости. И я потратил еще несколько лет на эту головоломку, пока ответ не пришел мне во сне. Это была сияющая треугольная призма. И я хочу тебя поздравить.

Секунд. С чем, учитель?

Валентин. Ты только что принял посвящение от самого Гермеса Трижды Величайшего. Ты вошел в тело тайны, и ты открыл ее безо всякого промедления. Ты с ходу назвал все девять сущностей. И теперь ты – состоишь в Братстве. Однажды ты откроешь эту тайну своему ученику. Но не каждому – а лишь тому, кто откроет ее для себя сам. Кто будет готов проделать свою часть пути к Ответу. А ты поможешь ему на этом пути. Как Бог помогает богу.

Секунд. Как ты сказал?

Валентин. Перечитай Псалом 81. Уразумеешь после. Теперь все у нас с тобой, Секунд, пойдет по-другому. Ты будешь нарастать, а я – умаляться. И однажды ты станешь мной. Просьба у меня будет к тебе.

Секунд. Исполню с радостью.

Валентин. Когда меня убьют – а это будет уже скоро, мне ведомо – сожги мое тело сам, никому не отдавай. Пепел – развей по ветру. Несгоревшие кости – отдай собакам. Но, прежде чем веять пепел, возьми пясть и заверни ее в тряпицу. Приди домой – и вели жене готовить тесто. Когда тесто поднимется, возьми пепел и перемешай с тестом. Потом сам вылепи заготовку из того теста и поставь в печь. Как приготовится – достань из печи, дай остыть, отрежь первый ломоть и съешь. И тогда ты ощутишь, что теперь тебя зовут Валентином. Я все это время становился тобой, чтобы ты, наконец-то, стал мной. И в этом – весь гнозис, вся евхаристия. Творение – это евхаристия. А мы – соль земли, хлеб предложения, жертвенное вино.

Картина 2. В поисках Любви

2.1. Мадрас. Фома. За неделю до гибели. Магдалина

*Я скучаю по тебе,
Как апостол по святым мукам.*
Трофим

Прилетал ангел. Сказал, что скоро меня убьют, и чтоб я поторопился. Да, времени не остается совсем. Все откладывал это дело на потом, считал, что успею.

Благовестие, переданное нам Христом. Только то, что Он действительно говорил, и только то, что я слышал сам, без передачи. Надо сосредоточиться на словах. События – опишут другие так называемые «апостолы», у них будет время для редактуры, для прилизывания фактов, для интерпретации. Как там Андрей Первозванный заявил: чтобы массы готовы были принять. Похвальная забота о массах, чтобы они не тревожились лишнего. Представляю, что эти почтальоны понапишут. Ладно, сосредоточимся.

Иисус сказал ученикам своим: Уподобьте меня, скажите мне, на кого я похож. Симон Петр сказал ему: Ты похож на ангела справедливого. Матфей сказал ему: Ты похож на философа мудрого. Фома сказал ему: Господи, мои уста никак не примут сказать, на кого ты похож. Иисус сказал: Я не твой господин, ибо ты выпил, ты напился из источника кипящего, который я измерил.

И он взял его, отвел его, сказал ему три слова. Когда же Фома пришел к своим товарищам, они спросили его: Что сказал тебе Иисус? Фома сказал им:

Если я скажу вам одно из слов, которые он сказал мне, вы возьмете камни, бросите их в меня, огонь выйдет из камней и сожжет вас.

Помню эти три слова, как сейчас. «Тат Твам Аси» - «Ты есть То». Иисус принес это из Индии, когда странствовал. И добавил: «Уразумеешь после». И я – уразумел. Когда Он, споря с фарисеями, сослался на Псалом: «... Я сказал: вы боги, и сыны Всевышнего - все вы; но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей». А потом добавил, с глубокой уверенностью, словно бы логически вывел: «Я и Отец – Одно». Фарисеи схватили камни, а Он прошел сквозь них, как нож сквозь масло. Они, дурошлепы, принялись озираться окрест себя, а Его уж и след простыл. Тут у них камни из рук и попадали. Оторопели.

И что было толку передавать? «Вы – боги». Ничего себе! Когда они, попеременно, то полагают себя какими-то великими, то уничижают себя пуще всякой твари. Мешают себя с грязью. Говорят: мы – негодящие горшки для низкого употребления. Ну, раз горшки, так и пребывайте горшками, заполняйтесь отбросами. Пока не приведут себя в чувство, не уразумеют, что они на самом деле есть царственное священство, а никакие не горшки, - нечего их теревить. Каждый зреет в свою меру и в свою силу.

Мария сказала Иисусу: На кого похожи твои ученики? Он сказал: Они похожи на детей малых, которые расположились на поле, им не принадлежащем. Когда придут хозяева поля, они скажут: Оставьте нам наше поле. Они обнажаются перед ними, чтобы оставить это им и дать им их поле.

Петр никогда не любил Марию из Магдалы, боялся ее. Опасался, что Учитель оставит ее главной на хозяйстве после Себя. Интриговал против Марии. А я ее – любил, до беспамятства. Помню, как во время проповеди на горе Иисус что-то говорит, а я не слушаю Его. Уставился на Марию, как дурак, и глаз не отвести. Мария мой взгляд заметила, улыбнулась. И как-то даже порозовела. Но у нее только Иисус был на уме, ни до чего другого ей не было дела.

Симон Петр сказал им: Пусть Мария уйдет от нас, ибо женщины недостойны жизни. Иисус сказал: Смотрите, я направлю ее, дабы сделать ее мужчиной, чтобы она также стала духом живым, подобным вам, мужчинам. Ибо всякая женщина, которая станет мужчиной, войдет в царствие небесное.

Я помню первый апостольский собор, куда Мария принесла фрагменты нового тайного учения, что передал ей Учитель, незадолго до казни. Хотела примирить со всем, что сказал Иисус до того, с гласным учением, получить помощь. И как эти хмыри заткнули ей рот. Петр, гадина такая, тут как тут. Мария плачет, а он орет, по обыкновению своему: «Почему мы должны это слушать? Что это за слова? Да кто она вообще такая? Деревенская шлюха, без роду-племени!» Я ему чуть тогда кадык не вырвал. Сказал все, что я думаю – о нем, о его прекрасном братце Андрее, обо все этой Ионино-Зеведеевской породе, для которой женщина – просто служебное животное, машина для продолжения рода. «Женщина, которая должна стать мужчиной» - это не о Марии Христос сказал, а о Петре. Надо же было Христу – эту вертихвостку в мужском костюме наречь Камнем! Смехота и позорище. Кифа Ионыч всегда был бабой. А Мария из Магдалы – всегда была мужчиной, твердая, как дамасская сталь. Симон Петр – ховался по огородам от иудеев, а Мария – стояла под крестом, до самого конца. И на соборе тоже. Потому что я с собора ушел, а Мария – осталась. Я ей говорю: брось ты этих уродов, сами справимся, сами найдем все ответы. А она: нет, я уйти не могу, я пришла, чтобы они услышали. Я двинулся прочь, а Андрей – за мной, хватает за рукав. Говорит: ты должен остаться, ради Учителя, ради нашего единства. А я ему в сердцах: Учитель знал, что мы есть такое на самом деле, знал нам цену. Двенадцать баб, беременных на первом месяце. Сколько бы мы тут ни прижимались друг к другу ради мифического единства, нам никогда не родить одного здорового ребенка. И ушел.

Ладно, я отвлекся. Нахлынуло, и старая боль ворочается в сердце, не отпускает. Зря я тогда ушел с собора. Лучше бы я Петру башку проломил, ей-ей, и то больше было бы проку. А то он теперь вон как раскинул сети, рыбачок. Каков рыбак, такие и сети; какие сети, такая и рыба. Всю Европу исколесил с концертами. Представляю, что он там напел простому люду.

Магдалина. Утраченная навеки любовь моя. Иисус сказал: «Когда уйду, не оставляй ее. Будь там, где и она. Ты будешь ей нужен». Когда Мария засобиравалась к Тиберию в Рим, я ей сказал: пойду за тобой. А она мне: я справлюсь сама. Твой путь лежит в Индию. Я: почему в Индию? Она: потому что там – твоя родина. Несколько прошлых жизней ты прожил там. Поэтому ты возвращаешься домой. Спаситель так хотел. Он сказал: «Фоме путь в Индию». Я: а мне Он другое говорил. Сказал - идти за тобой. Мария улыбнулась. Ты Его не так понял, говорит. Он имел в виду, чтобы ты не забывал обо

мне – никогда, куда бы ты ни шел. И я тоже тебя буду помнить, до самой смерти. Обняла меня и поцеловала. Я заплакал, и она тоже заплакала и ушла. Больше я ее не видел.

2.2. Эфес. Несторий и Кирилл. Христородица

Эфесский собор, 431 год. Меня зовут Несторий, я – константинопольский патриарх. Напротив меня стоит епископ иерусалимский Кирилл, мой злейший враг. Мы готовимся к дискуссии. Но, по мне, я лучше вырвал бы этому негодяю бороду с корнем, да затолкал бы ему прямо в заднее дупло. А ни в какие прения не вступал бы.

Этой истории – шестнадцать лет. Ровно шестнадцать лет назад эти люди убили Гипатию. Самую красивую женщину тогдашней Александрии. Первую в мире женщину-философа. Премудрую деву, которая хотела всех примирить, все школы и все учения. Достичь синтеза. Преодолеть разделение в понимании Единого, всех привести к Одному.

Ну а эти деятели, естественно, смекнули, что Гипатия отбивает у них хлеб. По церквям – кислятина, биения себя в грудь и невнятные пустопорожние бормотания. Это так называемые святоотцы спасаются поклонами и капустой. У Гипатии же всякий вечер – изысканное общество, изящные разговоры и поэзия. Я, когда молодой еще, был на одном из ее семинаров, когда она говорила о платоновском триединстве. С тех пор лицо ее стоит у меня перед глазами. И не забыть. Когда мужчины задавали ей вопросы, с некоторым даже плохо скрываемым превосходством (*дебилоиды, что с них взять*), - Гипатия отвечала им ровно, без ерничества, без желания задеть. Она знала себе цену, несла себя с достоинством, точно греческая богиня. И нос у нее был, как и сама она – греческий, правильный. И была она тонкая и хрупкая, что твой камыш.

В итоге: Кирилл подговаривает некоего ключника Петра, Петр задорит чернь. Гипатия возвращается домой в своих носилках. Эти – вылетают сворой из-за угла (*вдесятером на одну*), отталкивают слуг, сбрасывают Гипатию с носилок, бьют ее ногами. Потом – рвут на ней одежду, оставляют нагой, позорят. Затем – берут в руки куски черепицы и начинают этой черепицей Гипатию колоть и рвать. Она уже умерла три раза, а они все измываются над изуродованным окровавленным трупом. Затем – волокут ее (*все, что от нее осталось*) куда-то в укромный угол. И сжигают, чтоб не оставлять следов. Я, как узнал, полдня проплакал. Как будто бы во мне что-то оборвалось. И ни одна ведь тварь не вступилась за женщину, что характерно. Все, и челядь Гипатии тож, молча стояли и глазели. Пастыри и их паства, два в одном, одно другого стоит. Бляди, волчье семя в овечьей шкуре.

И теперь этот палач стоит передо мной и ухмыляется. Морщинистый, как жопа у евнуха, рыжая борода жиденькими хлопьями, лысина в поллица, - ну барбос натуральный. А я ему обязан доказывать, что Марию из Назарета незаконно называть Богородицей. Разбирать статус Марии – с тем, кто недостойн даже драить поганым языком своим привокзальный туалет, а не то, что касаться Христородицы этим самым языком. А над нами нависает император Феодосий Второй. Какая-то жужелица на константиновом престоле, честное слово, а не император. Совершенная тюха-матюха. Сидит, глазищами ворочает, что твое пугало. Константин – тот хоть был скала-человек, держал всю эту свору в руках. А теперь Константина нет, а есть Феодосий под каким-то там номером – ни два, ни полтора. Силится вникнуть, об чем бишь мы тут, на соборе, - и не достигает. Поэтому нервничает и беспрерывно ерзает в своем кресле, натирая себе гемор на заднице.

Естественно, собор начинается со скандала. Интригами Кирилла восточная делегация (*она целиком на моей стороне*) остановлена в пути, и моя партия к началу собора остается в численном меньшинстве. Кириллиты в голос заявляют, что кворум есть, и голос Антиохии здесь ничего не изменит. Феодосий берет таймаут на две недели (*ни о чем*). Естественно, антиохийцы не успевают, собор начинается без них. Кирилл – быка за рога и в атаку: анафему Несторию. Я деликатно так спрашиваю: может, прежде чем орос подписывать, разберем суть вопроса? Нечего тут разбирать, заявляет Кирилл. Христианское сердце уже вынесло анафему лжеучениям века сего, а орос лишь на бумаге скрепит то, что и так явственно братии. Давайте все же выслушаем обе стороны, подает голос Феодосий Второй. Ну, наконец-то, продрал глаза. Спасибо тебе, римское право.

- Коли Христос – Бог, Свет от Света, Бог истинный от Бога Истинного, - включает Кирилл свою тяжелую артиллерию, - как мы признали истиной от Никеи и от великого Афанасия, - значит, Мария из Назарета родила Бога и сама бесспорно именуется Богородицей. Мария из Назарета, дитя Иакова и Анны, обручница Иосифу – земная женщина, в которую вошел Дух Святый, и Она понесла от Него, как и свидетельствует евангелист Лука. Мы почитаем Богородицу, но не поклоняемся ей как богине. Вот символ нашей веры. Возрази, Несторий, коли посмеешь.

- Посмею, - говорю я. Выхожу на середину собрания. – Убежден и везде свидетельствую об одном: Мария **не рожала** Бога, совершившего наше искупление, и Св. Дух не образовал Божественное Слово, такое же, как и Он, лицо Св. Троицы. Мария родила только человека, в котором воплотилось Слово; она родила человеческое орудие нашего спасения. Слово приняло плоть в смертном человеке, но само Оно не умирало, а, напротив, воскресило и того, в ком воплотилось. Но и Иисус, рожденный Марией, тем не менее и для меня есть в некотором смысле Бог, потому что он вмещает в себе Бога. Я почитаю храм ради Обитающего в нем; я чту носимое (одежду) ради носящего; почитаю видимого человека ради сокрытого в нем невидимого Бога.

Кирилл ухмыляется.

- Новый Арий явился! – возглашает он в припадке казенного восторга. - Словно бы и не прошло ста лет от Никеи. Верно говорено от Петра: «Пес возвращается на собственную блевотину, и вымытая свинья идет валяться в грязи». Ну так что же, брат Несторий, - ехидно осведомляется Кирилл, - Бог Христос или же нет? Вразуми нас. А то, может, мы и впрямь что-то упустили. – Тут партия Кирилла пускается в подобострастные хихиканья и ухмылки.

- Уйми своих людей, Кирилл, - говорю. – А то они от смеха воздуха наглотаются, а потом их запучит. Нам ведь еще целый день работать в этом помещении.

Утихомирились. Зыркают на меня злобно. А мне до безразницы их зыркание. Клал я на них с прибором. А прибор у меня – там есть что положить. Впрочем, это детали.

- Представь себе картинку, Кирилл, - развиваю я мысль. – Иудея, Вифлеем, декабрь месяц. Вертеп. Мария из Назарета рождает, рождает прямо в хлеву. Как, по-твоему, больно ей?

Вижу, сбил его с толку. Не понимает, откуда подвох. Занервничал.

- А к чему это? – переспрашивает.

- Сразу видно, Кирилл, что ты из Иерусалима, - говорю. – Вы, иудеи, ловко приноровились отвечать вопросом на вопрос. Это, вроде как, уже вашей национальной забавой соделалось. Что за псиная порода, в натуре. Прекращай ты мямлить и отвечай прямо: больно или нет?

- Это нам неведомо, - Кирилл отвечает. – О сем нигде не писано.

- Ну тогда я тебе скажу, - говорю. – В протоевангелии от Иакова рассказывается, что Иосифа и Марию заподозрили в блудном грехе, увидев живот у Марии. Живот, еще раз подчеркиваю. Иосиф не имел права трогать Марию, потому что он не мужем был ей, а обручником, это известный факт. И левиты заставили Марию с Иосифом пить горькую воду, как испытание по закону Моисееву. Если бы они умерли, то грех остался бы на них. Но они не умерли. Им просто было очень плохо. Их обоих тошнило, прямо тебе скажу.

- Итак, - продолжаю я, - Мария носила Иисуса, как носит его всякая земная женщина: во многих страданиях и лишениях. Я сейчас не о том, что Марию безвинно оклеветали и начали пытаться. А я о том, что плод – это тягота для женщины. На ранних сроках у нее токсикоз, тошнота. Когда подрастет, ребенок начинает толкаться. Дитя непрерывно ест, питается матерью, отчего беременные, бывает, теряют половину зубов.

- Ах, Несторий, - прерывает меня Кирилл, исполненный глубочайшего сарказма, - тебе бы гинекологом работать, а не патриархом.

- Жизнь заставит – роды приму, - парирую я. – Вопрос: как ребенок питается матерью? Повитухи знают как: через пуповину. В момент родов ребенок выходит из чрева матери, повитуха принимает ребенка - и первым делом перерезает пуповину на младенце, отсюда и пупок. У тебя есть пупок, Кирилл? Верую, что есть. И у меня есть, поверьте на слово. Не хочу рясу задира, а то вы перевозбудитесь. И у Христа он тоже был. Был пупок, была пуповина. Были тяжелые роды матери, с раздвиганием костей таза, с отхождением вод, с криками и судорогами. Рожая, женщина не помнит себя от боли; кто видел, тот понимает, о чем я. А я – видел. Значит, роды Христа совершались естественным образом. Рожала – земная женщина, рождался – земной ребенок. Который с первых же минут был унижен холодом и грязью вертепа. Он плакал, как плачут все дети, пачкал пеленки, как и все дети в его возрасте. И, как все иудейские первенцы, через месяц он был обрезан по закону. С рождения и до своей крестной смерти Иисус нес человеческое послушание – полностью такое же, как несем и все мы. Он был человеком, который однажды стал Богом-Сыном, Логосом.

- Вот я и говорю, - перехватывает Кирилл инициативу, - готовый Арий. Арианова ведь риторика, безо всяких опущений. Получается, Несторий, ты сам себя заклеил. Bravo! Здесь и доказывать ничего не надо.

- Я не закончил, - парирую с холодком. – Думаешь, ты меня на словах поймал? Так же и первосвященник Анания делал, когда ловил апостола Павла на словах, а потом бил его по губам. Узнаваемый почерк, братан. Но ты меня еще не целиком разгадал. Смотри, Кирилл, фокус. Берем Никейско-Афанасьевский символ веры. От кого рождается Сын? Отвечай без запинки!

- От Отца, - машинально отвечает Кирилл. Выходит, что я его все-таки поймал.

- А Святой Дух, - включая вторую логическую ступень, - от Отца рождается или же исходит?
- Исходит, - говорит Кирилл. Вдруг у него по лицу пробегают тень. Кажется, он понял, куда я веду. И уже готов чего-то там брать назад, но уже поздно.
- Ну так как же Бог-Слово может рождаться от Духа, если в Кредо однозначно говорится, что Оно рождается от Отца?! – наношу коронный удар поддых. – Логика-то где?
- От Отца и рождается! – в панике кричит Кирилл. – Отец посылает Сыну Духа – значит, посылает Себя! Троица – Три в Одном, неслиянна и нераздельна!
- Значит, Слово рождается и от Духа тоже?! – начинаю я кричать. – По-твоему выходит, что никейцы – ошиблись? И кто после этого еретик из нас?
- Не рождается! – вопит Кирилл. – Не рождается! Не ошиблись никейцы! Ты, Несторий, дьявол, и отец твой – дьявол!
- А от Луки написано, что рождается! – перекрикиваю я его. – Мария – зачала от Духа Святого! От Духа! И кто после этого ошибается – Лука, Никея или ты, Кирилл – негодяй из негодяев, палач из палачей?! Вспомни Гипатию, Кирилл, - говорю я, вдруг снизив тон, до драматического шепота дойдя. – Вспомни, как ты подослал к ней убийц, плешивая рыжебородая гадина.

В этот момент все начинают орать в один голос. Начинается светопреставление. Кирилл сначала бледнеет, потом багровеет, потом порывается ко мне – драться. Я – готов, у меня чешутся руки. Но меня тоже плотно держат мои люди, не выпускают. Феодосий Номер Два делает знак страже, и она встает меж нами. Базилевс хлопает в ладоши и объявляет перерыв. Нас под конвоем выводят на свежий воздух. И - окружают нас в кольцо, чтоб монахи обеих партий не вырвались и не отдубасили друг дружку.

- Германий, я хочу до ветра! - заявляю я во весь голос. А кого стесняться, одни мужики кругом.
- Проводить, - приказывает Германий, начальник императорского конвоя. От круга отделяется двое вертухаев. Они встают по обе стороны от меня, и такой вот славной компанией мы движемся в сторону ближайшей выгребной ямы. С удовольствием выпускаю из себя струю. Вертухаи искоса поглядывают на мой прибор, ухмыляются. Они все видели. Вроде как в цирке побывали. Потеха. А чего: солдат забавляется, служба идет, жалованье капает.

Малоазийский город Эфес. Солнце нещадно печет. А мне хорошо. Моя струя на солнце переливается всеми семью цветами радуги. Этот раунд остался за мной. А там посмотрим. Боюсь, что мне не победить. Феодосий и эта свора договорились за моей спиной. Но я не хочу, чтобы Марию сделали новой византийской богиней, резали перед ней баранов – и бараньей кровью мазали ей ноги. Не заслужила она, чтобы с ней – так.

2.3. Александрия. Ориген, перед ссылкой в Иерусалим. Скопцы

Соломон. Страшное имя в моей биографии.

Я был молодой еще совсем послушник, читал «Песнь песней» в греческом переводе. И почувствовал вдруг, что во мне происходит что-то неладное, в самом паху. Жар во всем теле, член становится твердый, а руки сами тянутся к нему – ласкать, извлекать семя. Понял: еще секунда, и не удержусь. Побежал на кухню, схватил тесак для рубки мяса, вывалил все свое хозяйство на стол и – хрясь! – отхватил половину. Кровища, боль несусветная. Обрезание как отрезание. Чуть не умер.

А сегодня мне это припомнили. Сказали: скопец, а мнишь себя пресвитером. Против церковного правила. Запрещаем тебе учить. Тем более после того, что ты натворил у храма Серапису. Позорник. Пальмовые ветви он продавал. Если бы не стал продавать, отвечаю, меня бы отдали эфиопу, и он бы меня поимел. Ну и что, говорят. Задницу порвал бы тебе эфиоп, зато совесть осталась бы неповрежденной.

Легко им рассуждать. Хотя что я говорю: они ведь исповедники. Калеки. Всех Диоклециан пытал за веру Христову. Кому глаза выкололи, кому ноздри вырвали, кому ноги переломали в тисках. На этом фоне моя задница – это просто потешный эпизод. Немного больно, немного противно, немного смешно. Для анекдотов.

Соломон, «Песнь Песней». Год назад попросили истолковать, во избежание смущений. Встал вопрос о признании Ветхого Завета для Нового. Все бы и хорошо, все вписывается. Кроме «Песни Песней». Невеста желает жениха, жених желает невесту. И в конце у них – соитие, факт. Невозможно оспорить. Спрашивают: неужели о блудных делах пишет Соломон? Или мы не достигаем, плотским своим умом? Целую ночь не спал, думал. Перечитывал Премудрость Соломонову, Премудрость Сирахову, Притчи. Искал ответ, и ответ пришел, под самое утро. Конечно же! Жених – Христос, Невеста – Церковь. Или: Жених – Дух Святой, Невеста Невестная – Мария, мать Иисусова. И соитие здесь – неоскверненное, суть Божественная мистерия, слияние духов и энергий, о-Божение творения. И то же мы вправе говорить о тоске души человеческой по Христу, по о-Божению.

Да вот и псалом 44, как бы в подсказку: «Дочери царей между почетными у Тебя; стала Царица одесную Тебя в Офирском золоте. Слышь, Дщерь, и смотри, и приклони ухо Твое, и забудь народ Твой и дом отца Твоего. И возжелает Царь красоты твоей; ибо Он Господь Твой, и Ты поклонись Ему». Брачная песня, где брак совершается в Вышних. Сюда же идут подружки Невесты и девы-тимпанницы. Сиречь – души человеческие, сослужащие в брачной мистерии, втянутые в ее кругооборот.

Церковь моему толкованию обрадовалась. «Песнь Песней» - с ликованием включили в канон разрешенных христианских книг. Но все толкования на Песнь – упреждали проклятием тому, кто будет читать эту книгу буквально.

А сейчас я еще раз смотрю – и снова недоумеваю о Соломоне. Кто действовал в нем, когда писал он свою Песнь: великий пророк, прозревающий грядущую Мистирию Боговоплощения – или же царь, одурманенный своим гаремом, готовящийся к новым подвигам на ниве плоти? И не могу согласить. Вот, Соломон пишет о Софии как о Премудрости Божией. Целомудренный и возвышенный слог, как

и подобает пророку. А теперь – Песнь. Там все иначе. Меняется темп и ритм повествования. Соломон пишет взахлеб, как бы в оргиастическом экстазе. Все части женского тела, вплоть до самых интимных, находят себе плодово-ягодные и садовые аналогии. Словно бы девица грезит, раскинувшись под кустом. Смотрит на себя глазами жениха – и дает пристрастное описание. И жених мечтает, с той же мощью. Ждет, когда отгремит брачная вечеря, и можно будет, закрыв ворота в покои царские, испить чашу наслаждения до последней капельки. Напитаться женщиною, словно бы плодами и соками с тех плодов.

Соломон называет возлюбленную Суламитой. Имя явно вымышленное. Он хочет подчеркнуть, что она – вечная ему невеста, из жизни в жизнь обретаемая, оттого и близость имен. Суламита - это уже нечто настолько родное, словно бы часть себя, что в обретении ее, в соитии с ней – не может быть ничего нечистого или постыдного. Так сливаются в экстазе миры. Так реки впадают в моря. Так лунный свет целует черепицу на крыше дворца. Это – Природа, ее вечный кругооборот. Ничего срамного, ничего, отягчающего совесть.

И тут мне делается совсем не по себе. Я вдруг спрашиваю себя: а что вообще дурного в соитии человеческом? Положим, и чадородия нет без соития, чем оно и оправдывается. Но разве только чадородием оправдывается соитие? А элементарная потребность в близости, в ласке, в безудержной готовности дарить и принимать тепло? Мы оправдываем соитие в Природе, как вечный двигатель. Как только дело доходит до человека – начинается кривизна и оговорки, препоны и рогатки. А, между тем, человек – венец творения Божьего. И то, что церковь полагает в нем первородным грехом, падением Адама, на самом-то деле – источник неудержимой силы. Божественной силы, факт. Потому что, любя в полноте, всем составом, человек растет к Богу, раскрывается в Боге и уподобляется Ему. Вожделение, жало в плоть, по слову Павла – не более чем энергия Любви, которая ищет в нас выход. Она затопляет нас, мы тонем в ней и не знаем, что с этим делать, как спастись от этой жажды. Собаке веселее: она нашла еще одну такую же собаку - и сделала свое дело. А мы угрызаемся плотью, ворочаемся по ночам, теребим уд *(или то, что от него осталось после отрезания)*. Боимся ответить на Зов. Но там – не только Зов. Там – Премудрость Божия, София. Ища соития с возлюбленной, мы ищем уподобления соитию в Высших, где Логос обретает Софию в алхимическом браке, как сказали бы гностики. И Песнь Песней в этом смысле – гимн Божественной Мистерии. Я угадал правильно.

Мы все – скопцы, вдруг с ужасом прозреваю я. Мы обрубали себе низ во имя верха. Мы подавили в себе Природу во имя Духа. Что же мы натворили. Мы просто покалечили себя. Соломон не только похоти набрался у иноземок. Любя их, усматривая в них единичное и особенное, он, сквозь частное в них, прозревал Вечное Женское Начало. Строя храмы их богам, он не просто отдавал должное этим неприкаянным женщинам, оказавшимся вдали от дома, на чужбине. Ведь каждой женщине, с кем восходил на ложе, Соломон дарил всего себя, без остатка. Он познавал каждую свою женщину в полноте, как ученый – изучая извивы и ложбинки ее тела, реакции плоти на ласки, вкус жидкостей, исходящих из ее лона; то, как она стонет, извиваясь под ним в истоме; склонности ее нрава, капризы и пристрастия, верования и устремления; неудержимую отдачу при воспитании его, Соломона, детей, - и мелочность интрижек в борьбе за право войти в десятку его, Соломона, любимых жен. И затем, перемещаясь снизу вверх, Соломон поднимался от физиологии женщины к ее мировоззрению, к ее вере. Он вмещал в себя женщину целиком, интегрально. Познавая ее, он и сам становился познаваем. Но тут симметрия нарушалась.

Бедняжки, сказал себе однажды Соломон. Ведь все они попали ко мне как вещь, как подарок. Иноземные цари знают: Соломон коллекционирует лошадей. Отдаримся ему рысаком, а на сладкое в придачу – бабу. И тут Соломон заскучал. Они никогда не смогут меня полюбить в полноте, сказал он себе. Потому что я для них – только хозяин. Не желанный мужчина, а собственник их душ. Будут хотеть, будут бояться, будут ненавидеть. А любить – нет, не получится. Полюбить, как мама Вирсавия полюбила моего отца Давида – до полной потери себя. Вплоть до предательства своего мужа Урии, что погиб у Раввы, отправленный на верную смерть своим царем – и моим отцом. Страшное наследство!

И теперь я, Ориген, копаюсь в Соломоновых делах – и воспринимаю это так, будто бы все это меня кровно касается. Словно бы это я – Соломон. А, может, и был, кто знает. Апокатастасис, сиречь возвращение души в Отчий Дом через множественность рождений – вещь невидимая, но неизбежная. Все возвратится.

Так что в следующей жизни обязуюсь пипку свою побережь, не кромсать. Авось, и обрадую какую-нибудь сдобную особу. Тьфу, пропасть! Ты размечтался, Оригенка. Старый евнух гарема Соломонова.

2.4. Венеция. Гоцци. Нежность

- Ты зря все это сейчас говоришь, Карло. – Это Теодора. – Неужели мы не можем просто попрощаться, без обид и истерик? Ладно, пусть я портовая соска, как ты меня только что приложил, - но ты-то сам - граф и патриций несусветный, так что должен быть мудрее...

В этом воплощении меня зовут Карло Гоцци, я драматург и граф, живу и работаю в Венеции. Графья, бывает, тоже работают, тут никакой описки нет. Рядом со мной, на широкой постели под балдахин, лежит Теодора Риччи, моя любовница и моя невенчанная жена, самая выдающаяся актриса Венеции всех времен и народов. Славное народилось весеннее утречко. Солнечно над Лагуной, безветренно и тихо, только слышно, как вода в каналах плюхает. Это – утро нашего расставания. Теодора покидает Венецию. Она едет в Париж. А я остаюсь. Гондола придет за Теодорой с твердой земли через полчаса. Вещи уложены, муженек с детишками остаются пока в городе. Как только Теодора устроится на новом месте, она их вызовет.

Я подобрал эту девочку десять лет назад. Она приехала сюда с мужем, они были бедные, как церковные крысы. Мы с Сакки дали им приют в нашем театрике, что у Сан-Самуэле. Сначала давали пробные выходы, на «кушать подано», затем ввели на Клариче и Турандот. Я работал с Теодорой с утра до поздней ночи. Однажды мы с ней согрешили. Я был крестным отцом нашего первенца. Муж, разумеется, ничего не заподозрил (*был туповат, хотя добр и безволен*). А потом мы пустились с ней во все тяжкие. Дорвались друг до дружки, как две изголодавшиеся обезьяны. Мне никогда и ни с кем не было так хорошо, как с ней. Может, поэтому я и не женился.

Слава Теодоры гремела далеко за пределами Венеции. Не спектакли с ее участием люди добирались из самой Тосканы да из Римини. Ее забрасывали цветами, в нее влюблялись, безнадежно и отчаянно ее домогаясь. Но она была стойкая девочка, и она не изменяла мне. Пока не нарисовался Педро Гратароль, сицилийский посол во дворце Дожей. Он нашел подходы, ключи. Обольстил ее своими

медоточивыми речами, прикормил неаполитанскими конфетами. И однажды она сдалась, разомлела. Он трахнул ее прямо в костюмерной. Госпожа Риччи выползла из-под господина Гратороля, прополоскала рот, подтерлась кружевным платочком между ног – и, как ни в чем не бывало, отыграла спектакль «Любовь к трем апельсинам», да с большим успехом, как сейчас помню. А потом вдруг решила мне повиниться. Зачем, спрашивается? за язык-то ее никто не тянул ... И я, вроде бы, не святой Антоний, чтобы мне каяться, в расчете на чудо исцеления от триппера. Каким местом она думала тогда? Мандой своей она думала.

Разумеется, я не мог все это так оставить. Написал новую пьесу за два дня, где вывел модного куртизана Педро во всей его красе. Назвал его Доном Адоном. Хотел сначала назвать Доном Гондоном, но побоялся, что не пропустит цензура. Выставил его там полным ничтожеством (*что он, собственно, был и есть на самом деле*). Публика редела от восторга, от радости узнавания. Все вмиг догадались, что скрывается под Адоновой маской. Педро, разумеется, взбрыкнул, потребовал постановку отменить. Ему большие люди посоветовали уgomониться. Он сгоряча послал их в жопу. Его чуть не арестовали и не закрыли в Пьомби (*что у Моста Вздохов*); так что убежал Дон Адон из Венеции в тапках на босу ногу, и больше его здесь не видели. Теодора разозлилась на меня из-за любезника своего, - а мне было до безразницы. Спать мы с ней порвали. Что-то во мне такое сломалось, и я побрезговал.

А потом выяснилось, что Теодоре предложили работу в Париже, и что у нее появился новый спонсор – некий мосье Пелисье, лавочник разных духов и притирок для интимных мест. Мыловар! Хлебное дело. Не то, что комедии дель арте строчить, по две в месяц, тут не зажируешь.

Сегодня утром Теодора, любимая моя девочка, отплывает на твердую землю, там ее уже ждет экипаж (*Пелисье платит*). А вчера вечером она появилась у меня. Приплыла прощаться. Сначала жеманничала, кривлялась. А затем оставила эту требуху, бросилась мне на грудь, зарыдала. Я накинулся на нее голодной макакой, завалил под балдахин. Кончил раза четыре за эту ночь (*абсолютный рекорд, с учетом моих пятидесяти с гаком*). А она - кончала без счета, каждые пять минут. Была, извивалась подо мною, всю грудь мне исцарапала, до кровавых ран. Потом слизывала кровь, примакивала куском простыни, целовала меня повсюду и без разбора мест. Под утро мы немного с ней подремали, истерзанные и покалеченные друг другом. А потом проснулись – и давай по новой выяснять отношения, кто кому сестра, и кто у кого сосал на рыбном рынке, под прилавком. Все выложили друг дружке, ничего не оставили про запас. Она меня колотит моей же ночной туфлей, а я ее душу подушкой. Наконец, мы устаем убивать сами себя, бросаемся в объятия и рыдаем, как дети малые, оставшиеся без мамы и без крыши над головой.

Как все это тяжело.... И как все это прекрасно. Свято и светло. Все, что было с нами. Наш триумф и наше поражение, наша первая встреча и наша окончательная разлука. Которая все равно что смерть, что нож в самое сердце. Нам обоим. Да, обоим, тут натяжки нет.

Стучат в дверь. Прибыл заспанный слуга, гондола у порога. Мы еще раз обнимаемся на дорожку. Это – самое целомудренное из того, что мы делали друг с другом сегодня, самое невинное, самое безобидное. Так прощаются брат с сестрою. Теодора садится в гондолу, лодочник налегает на весло. Они быстро отходят от порога моего дома по недвижной воде канала, я провожаю их взглядом, щурясь против солнца. Теодора, гордячка Теодора, не оборачивается, рукою не машет. Только плечи

у нее дергаются. А и хорошо, что не оборачивается. Не на что здесь смотреть. На соляной столб, разве, который я?

И вдруг я чувствую Нечто. Оно вошло в меня и начинает мною водить. Что же это со мной делается такое? словно бы эти редкие всполохи воды на Канале Гранде, эти солнечные блики на волнах, уплывающая Теодора, захлебывающаяся в своих еле сдерживаемых рыданиях, церковь на Салюте, колокольные звоны с Сан-Джорджо, маски по бортам гондол, да вся эта Венеция, вечная любимая родина моя, – все это упругими потоками свилось в один сияющий ком – да прямо мне в сердце. И, вот, уже нет никакого старого драматурга Гоцци, нет его дома на Канале Гранде, ничего нет. Есть только – один этот вот сияющий ком. И имя ему – Нежность. Которая все в себя впитала, ничего не оставила без внимания, все осветила, все отогрела, со всем согласилась и всему обрадовалась.

И вот то, что когда-то было мною, стоит и плачет. Слезы ручейками извиваются по сморщенным щекам, и утереть их некому. И некому, да и не нужно. Потому что нет того, кто плачет, и нет того, кто утешает. Никого и ничего нет. Только Нежность. Да, Нежность.

2.5. Санкт-Петербург. Петр, Алексей и еще Петр. Здравствуй, мама

Казематы Петропавловки. Потом это назовут Алексеевым равелином. Я – царевич Алексей Петрович, когда-то – наследник российского престола (*отказался под давлением*). Я – плачу и кричу, отворачиваюсь. А меня – за волосы и лицом вперед: смотри, дескать. А передо мной, на дыбе, висит моя мама – царица Евдокия Лопухина, ныне – монахиня Елена. Которую я же к этой пытке и приговорил. Болтовней своею. Тупостью своею.

Маме больно. Она кричит, потом теряет сознание. Допросом руководит граф Петр Толстой, начальник тайной канцелярии. Сам не пытается, только указания дает. Редкостная сука. Самая большая гнида на псарне у моего папеньки. После Меншикова, вестимо.

- Ладно, - командует граф Петр, - сымай.

Сняли мою маменьку, положили на лавку. Из ведра холодненькой водичкой ее – жаж! Чтобы в себя пришла. Туго возвращается, бормочет что-то несвязное.

- Теперь этого, - командует граф. Меня подвешивают. – Дурак ты, Алешенька, - говорит граф Петр мне, царевичу. – Кабы умишка было у тебя хоть с ноготок, так и не висел бы. А теперь сказывай: просил у римского кесаря войск – свалить отца родного?

- Просил, - скриплю я зубами. Потому что больно, однако. Тут если даже и не просил, все равно скажешь, что просил. – Сними, доскажу.

- Пиши, Тришка. – Граф доволен. Есть момент истины! – Снимите его. – Снимают, сажают на другую лавку, близ маменьки. – Сказывай, коли начал.

- Просил, - говорю я, и запинаюсь вдруг. Голова закружилась, мутит. Взял себя в руки. – Просил, ибо имел тайную надежду взять власть – и вернуть Русь к исконному положению, кою ее замыслил Бог. А

антихристово семя – папеньку моего прекрасного, тебя, холуя, и всех вас, выроdkов, – под топоры. На Лобном месте. Папенька самочинно головы рубил стрельцам, - теперь и на себе пусть попробует этой каши.

Вдруг отчаянный, звериный крик доносится из-за дверей. Врывается мой папа, самодержец всероссийский, в совершеннейшем безумии (*как у него всегда и бывает*), с выпученными глазами. Он следил за ходом допроса и все слышал.

- Этого не писать! – хрипло командует писарю Тришке император Петр Великий, коим именем назван город сей прекрасный, где все это действие и происходит. – Степан, бери его. – А это он уже моему палачу. Меня вздергивают. – Кнут давай!

Дают ему кнут. А кнут там волшебный, такие чугунные грузила на концах приделаны, для ошутимости. И еще такие крючочки. Словно на рыбалку собрались, ей-ей. Сбрасывает мой папа камзол, хватает кнут. А я уже вишу, как подгнившая груша, которая скоро упадет. Папа размахивается и по спине мне – хрясь! Ох ты. Чувствую, тут-то и начинается. Кричу. А папе только этого и надо. Он опять мне – хлоп! Страшно, наверное, на спину мою смотреть сейчас. Хорошо хоть мать без сознания. Незачем ей. Вот так мы и отдыхаем – всей семьей.

- Государь, - оторопевает граф Петр, - убьешь.

А тому – и дела нету. Бьет и бьет. Ну, раз так, то и мне нет никакого дела. Ушел я. Встретимся, сталбыть, в аду.

Конечно, я недолго прожил после этих побоев. А эти два Петра – протянули еще какое-то время. Послужили на благо новой России.

Мир Душ. Совет Хранителей, составленный из семи душ верхнего уровня. Совет всегда собирается, когда кто-то умирает. У православных это называется Страшный Суд. На сей раз – умер государь Петр Алексеевич. И этот Совет – ему. У меня такой уже был. А здесь прохожу вроде бы как свидетелем по делу. Да и не один, с графом Петром Толстым под ручку.

Царь Петр – не последний мне человек. Когда-то он был апостолом Андреем, рядом со мной Фомой. Когда-то он был царем Давидом, рядом со мной Соломоном. И от этого – еще больнее смотреть на все, что совершается.

А «Петр» – совершенно сник. Где былой гонор, где все эти царские замашки? Стоит, словно бы по щиколотку, в той крови, что пролил. В безвинной крови. И моя кровь там тоже есть, отдельным ручейком. И мамина – тож. Безвинная? Докажите обратное, коли сможете.

- Посмотри еще раз, Петр. – Это Верховный Хранитель говорит. Указывает на меня астральным пальцем. – Вот твой первенец в этом воплощении, которого ты так и не научился любить. Держал как серую мышь на задворках, спаивал. Подозревал. В итоге – забил насмерть. Тебе дали тонкую и

умную душу в противовес – соратника и наследника. А ты – сподобился сделать его своим злейшим врагом. Понимаешь ли, что теперь будет?

- Понимаю, - говорит Петр-Андрей. Вешает голову на грудь.

- Нет, не понимаешь, - говорит Верховный. Вздыхает. – На ближайшие триста-четыреста лет – здоровых детей иметь не будешь в принципе. А однажды снова будешь царем России. И будет у тебя четыре дочери и сын. И вот тебя, твою жену и твоих детишек – в подвале – разом уничтожат, расстреляют. Вот что ты натворил. Карма тебя будет тормозить, коли сам не тормозишься. Мы понимаем – император и все такое, страна и все такое. Но и человеком надо тоже оставаться, не все же функцией.

- Кстати, граф, - а это он уже графу Толстому, - один вопрос.

- Да? – граф откликается. Весь внимание.

- Когда царевича отправлял на смерть, - Хранитель спрашивает, - разве ничего не шевельнулось в душе твоей?

- Шевельнулось, - граф свидетельствует. – Но я просто выполнял приказ.

- Я много раз слышал подобный ответ, - комментирует Хранитель ответ графа. – И до тебя многие говорили похожее, и после тебя будут. Ну, тогда у нас есть приказ для Алексея. Исполнишь ли?

- Готов исполнить, - отвечаю. Догадался уже, куда он клонит.

- И исполнишь, - говорит Хранитель. – В одном из грядущих воплощений сей граф будет твоей матерью. Ты свою мать в нынешней миссии не уберег, подставил. Огребай теперь. Граф будет тебе матерью так себе. Живую, теплую, любящую мать не сохранил ты, Алеша – получай же суррогатную, резиновую. Ну и, разумеется, не церемонься ты с нею. Отвечай тем же, чем и она тебе – холодом. При ближайшей okazji – отправляй ее в дом престарелых, пусть там и сдохнет, в пролежнях и в клопах. Нравится, граф?

- Нет, - отвечает граф, - не нравится.

- А раз не нравится, - подытоживает Хранитель, - значит, есть еще у тебя немножко времени, чтобы выровнять счета. Послужишь Алеше. А понадобится – и умрешь за него. Иди и думай, как подчистить хвосты. Алексей, останься.

Граф улетает. Мы с папенькой смотрим друг на друга. Зла нет у меня. Только больно мне. Душа болит. У него, вижу, тож. Нехорошо нам. Стыдно за себя.

- Ну что, братья-апостолы, - говорит Хранитель, - натворено делов. Как будете равнять? Удивительное ведь происходит. Вас зачем Христос посылал в мир? Сеять любовь. А вы, вместо этого, рвете друг дружке глотки, и это уже в который раз. Самим-то не надоела эта карусель?

- Надоела, - свидетельствуем мы в один голос.

- Ну тогда делайте выводы, - говорит Хранитель. – Начинайте сотрудничать. У Петра скоро будет наследник. Его тоже назовут Алешей. Он будет совершенно больной, кровь у него будет плохая, несворачиваемая. Гемофилия называется. Ты, Алеша, будешь его ангел-хранитель. Как царевич порежется или ударится – ты будешь останавливать ему кровь. Через мужика, с заговорами.

- Зачем все эти ужимки, - спрашиваю, - раз они так и так – смертники?

- Не твоего ума дело, - говорит Хранитель сурово. – До расстрела должны дожить все. Карма у них такая. Живут не для того, чтобы умирать, а чтобы учиться. Что я тебе рассказываю, сам должен знать! Сотни тысяч лет воплощаетесь, а все никак не усвоить главные вещи. Ничего: воплотишься сам гемофиликом – наверстаешь.

2.6. Флоренция. Боттичелли и Пико делла Мирандола. Академия

В этот раз я пришел художником. Родители называли меня Сандро, а друзья окрестили Бочонком, потому что я рос толстопузиком. Так и понеслось: Боттичелли да Боттичелли. Сначала обижался, а потом привык.

Молодой флорентийский герцог Лоренцо Медичи, Лоренцо Великолепный - меня жаловал. Надо сказать, у него был отменный вкус, как и у деда его Козимо. Вкус – и нюх на самые главные вещи в этой жизни. Так что без заказов я не сидел. Еще у нас с ним был роман ... но это отдельная история, как-нибудь в другой раз.

А дед Козимо незадолго до смерти основал Платоновскую академию. Он подарил философу Марсилио Фичино свою загородную виллу – Кареджи. Разумеется, не для того, чтобы новоявленная элита там бездельничала, обжиралась и прохлаждалась. А чтобы ковала славу Флоренции, готовила ее золотой век. Фичино собрал в свой кружок лучших из лучших – поэтов, философов, ученых. Лоренцо выступил неизменным спонсором и горячим поклонником начинания. Однажды он сосватал в Академию и меня.

Нас собралось человек тридцать на очередном форуме. Кого-то я знал хорошо – Полициано, Ландино, еще пару человек. Но, в основном, публика была мне незнакома. Председательствовал, разумеется, Фичино. Когда он взошел на кафедру, воцарилась полная тишина. Это было что-то вроде обряда – минута молчания. Чтобы настроить себя на работу в должном ключе, оставив всю суету за порогом этого дома.

- Собратья, - наконец заговорил Фичино, - сегодня у нас в Академии – пополнение. Мы единодушно приняли в свои ряды двух новых соратников. Первый из них вам хорошо знаком, надо полагать. Это – Сандро Боттичелли, живописец и наш земляк. В интерпретации античных мотивов ему нет равных, это признано всеми. Хотя традиционными христианскими сюжетами он тоже не гнушается. Сандро, встань и поклонись собранию.

Встаю, мне хлопают. Кланяюсь. Сажусь.

- Второй наш брат, - продолжает Фичино, - во Флоренции недавно. Он к нам прямиком из Парижа, из Венсенского замка, где и был заточен доселе по прямому приказу нашего дражайшего папы Иннокентия Восьмого, слава ему. Многими хлопотами правителя (*кивок в сторону Медичи*) наш незадачливый философ был вызволен из узилища. Заинтригованы? Так вот, представляю вам: Джованни Пико делла Мирандола. Джованни, окажи честь собранию.

Молодой паренек, сидящий прямо напротив меня, на противоположной стороне стола, встает и кланяется. Ему хлопают. Я отмечаю, что мальчик слишком уж молод. Слишком молод – и слишком женственен, даже по флорентийским меркам. Ловлю взгляд Лоренцо, которым он обменивается с Джованни Пико. Этот взгляд я хорошо помню. Когда-то подобные взоры дарились и мне. Ну, тут дело будет... Я ревную? Чушь, еще чего не хватало.

- Сегодняшнее наше заседание целиком посвящено Джованни, - говорит Фичино. – Он изрядно нашумел со своими тезисами в Риме – чем, собственно, и привлек наше внимание своей особой. Папа даже собрал комиссию, чтобы обнаружить ересь – и, разумеется, таковую нашел. Ищущий да обрящет. Но наши прадеды видели это дело иначе. Римское право гласит: *Cogitationes poenam nemo patitur* – мысли ненаказуемы. Собственно, поэтому мы здесь и сидим. Иначе горели бы как пасхальные свечи (*все ухмыляются*). Давайте же послушаем Джованни. Наш регламент прежний – доклад на полчаса, потом прения на полчаса, потом доброе флорентийское вино в беседке, что под горбатой пинией, на нашем месте. Сегодня вечер обещает быть прохладным, но мы не неженки, да и столы уже накрыты. Приступай, Джованни. На кафедру, прошу тебя. Реплики с места во время доклада – воспрещаются. Записывайте свой вопрос и подавайте мне. Потом мы все это сведем воедино и составим протокол, чтобы ничего не упустить. Полное молчание и неослабное внимание, прошу вас.

Джованни Пико делла Мирандола занимает место на кафедре. Времени у него не очень много, по римским меркам (*тамошние балаболы могут дебатировать сутками, причем безо всякого прока*), и он приступает к фиксации базовых моментов своего учения. И, чем дольше он докладывает, тем более я проникаюсь мыслью, что парень-то - гений ...

Пико говорит о необычайной роли, которую Создатель уготовал человеку. Что Он поставил человека особняком, наделив его разумом и свободной волей, как к хорошему, так и к дурному. Причем Богоподобие, которым Господь наградил человека, это не текущее состояние человека, но предел, к которому человек должен подойти по результатам собственных усилий.

- Мы – говорит Пико, – можем говорить о трех сферах творения: ангельской, небесной и земной. Это строение классическое, у всех платоников оно прослеживается. Но человек пронизывает все эти горизонтальные иерархические слои. Ногами он твердо попирает землю. Но головою он врос в небеса и уподобился ангелам. Уподобился ангелам – в духе, уподобился небесным властям – в душе, а земным – в теле. Человек безграничен, и лишь одному Богу ведомо, какие высоты может занять человек. Безграничность человека может обратиться как на пользу, так и во вред. Возносясь, человек достигает ангельских степеней. Нисходя, человек принимает самое грубое подобие, хуже самого дикого из зверей. Таков человек, и таков его масштаб, его разбег.

- Человек - еще говорит Пико, - многомерен. Но он же и един. Все науки, все религии, все философии – так или иначе, группируются вокруг человека и вокруг его места в этом мире, вокруг человеческой участи. Я много изучал различных религий. Мы верим одним образом, восточные христиане веруют иначе, хотя основываются на том же источнике веры – на Новом завете. Магометане мыслят иначе, чем христиане. Иудеи – веруют совсем иначе, чем мы или магометане. И это тем более странно выглядит, чем больше мы видим единства в человеке и в Божьем замысле о человеке. Видимо, однажды должна явиться новая вера и новая наука, которая истолкует человека и человеческое с единых позиций, усвоив все то лучшее, что было собрано человечеством на путях познания, от Платона и Пифагора к Плотину и Аристотелю, от Аверроэса и Зороастра до Конфуция и Лао-Цзы. Но для этого нам следует преодолеть свою ограниченность, ограниченность места и образа веры, выйти за свои пределы. Нам следовало бы перестать понимать Ветхий завет слишком уж буквально и простонародно – но обратиться к Каббале, где акты творения изложены с самых общих позиций.

Я одним глазом смотрю на Пико, другим – на Лоренцо. Лоренцо неустанно пожирает Пико глазами, словно бы раздевая его донага. Мне не нравится эта вот откровенность в нем, эта бесцеремонность. Нашему герцогу явно недостает известного такта. Да черт, мне-то что за дело! Пусть трахает кого хочет...

- Сейчас очень подходящий момент для подобного синтеза, - завершает Пико свой доклад. – К нам возвращается античность и ее плоды. Человек в античном представлении – мера всех вещей, символ гармонического начала творения. Витрувианский человек – испещрен золотыми сечениями, вечными пропорциями. Все античные боги – человекомерны, антропоморфны. Боги как люди – к тому, чтобы люди научились угадывать себя богами. Да, человек грешен, с этим трудно спорить. Но здесь усматриваю лишь одну половину всей правды. Вторая половина правды в том, что человек – это творец, кузнец своего счастья, а мир – это его кузница. Человеку даны все полномочия для того, чтобы быть счастливым и чтобы быть цельным. Благодарю вас за то, что выслушали меня.

Гром оваций. Пико кланяется и неспешно занимает свое место. Мы обмениваемся взглядами. Пико озорно мне подмигивает. Меня бросает в жар. Мальчик слишком опытен. Он уловил мое похотливое состояние, он сразу все понял. Он привык к тому, что его хотят, что по нему сохнут. Ах, кокетливая дрянь.

Фичино возвращается на кафедру.

- Давайте сначала занесем в протокол все письменные вопросы, - говорит он, - а затем пусть будут реплики с мест. Вопрос первый: «Разве католичество не является исчерпывающей верой на все времена?» Снимается как провокационный – и в протокол не пойдет. Мы только что мальчика спасли от инквизиции и от костра, и все начинать сначала? Увольте, судари мои. Вопрос второй: «Отчего человек должен быть мерой всех вещей, если срок жизни столяра – меньше срока службы сколоченного им комода?» Полициано, твой вопрос? Признавайся честно, здесь все свои. Ладно, шучу. Как ответишь, Джованни?

- Отвечу так. – Пико встает с места. – Человеческая душа бессмертна. Она может проходить через несчетное множество воплощений. Этот взгляд церковью осужден, но на востоке люди в основном держатся этой гипотезы.

- А как же понимать фразу из послания Павла: «Человеку надлежит однажды умереть, а потом суд»?
– Да, это Полициано.

- Не вижу препятствий, - Пико ему отвечает. – Умирает, потом суд, потом опять рождается, и так до бесконечности.

- Нет, снимается, - говорит Фичино, досадуя. – Пойдет без записи. Ересь, и ересь, осужденная церковью. Кажется, у Оригена. Константинопольский собор 506 года. Что-то у нас сегодня с протоколом незадача. Третий вопрос: «Что такое любовь в системе твоего мировоззрения?» Ну, наконец-то, безобидный вопрос. Отвечай, Джованни.

- Можно говорить о любви месяцами и годами, - говорит Пико. – Тема слишком обширная. Главное, что я бы здесь отметил, как мне видится. Человек безграничен и един, пронизывает собой все планы бытия. Любовь – то же самое. Она проявляет себя по-разному, и она всегда содержит в себе единую часть, как бы ядро. Любя, человек уподобляется Богу, повторяет Бога. И он пытается, в свете своего опыта, распознать все фазы любви, все ее оттенки, достичь божественного уровня в осознании любви. Когда создан некоторый багаж опыта, и привычные сферы признаются изученными, человек идет дальше – и отыскивает любовь за привычными границами. Иногда то, что одними признается любовью, другие могут счесть безумием. Но это все равно любовь.

- Но тогда каков критерий? – Я возбужденно вскакиваю с места. Это был мой вопрос, и я хочу знать.
– Как нам, скудоумным, рассудить, где кончается Божье и начинается дьявольское? Можно ведь сказать, что любовь к жене соседа – это тоже любовь. Но, в библейском понимании, это – грех против заповеди. Вправе ли мы давать какие-либо оценки?

- Джованни, - Фичино делает предостерегающий жест, - ты можешь не отвечать.

- Да нет же, я отвечу. – Пико смотрит на меня, улыбается. Я цепенею от его улыбки. – Только сначала – маленький тест. Сандро, скажи: царь Давид ведь любил Вирсавию?

- Да, - отвечаю, - любил греховною любовью, вожделем. Любовь в виде эгоистической страсти, ради обладания, причем любой ценой. В итоге погибли два человека: Урия Хеттеянин, муж Вирсавии, и безымянный первенец Давида от Вирсавии. Плата за грех – смерть, по слову Павла, вышеупомянутого.

- Но, с другой стороны, - Пико все улыбается, но там уже ирония в полный рост, - Давид родил Соломона от Вирсавии. А в итоге, по наследственной цепи – родилась Богоматерь от Иакима и Анны. А через Марию к нам пришел Христос. Так что Иисус – потомок Соломона и Давида по прямой. Не было бы этой, как ее Сандро назвал, греховной любви – история человечества пошла бы по другому руслу. Сам факт появления Христа в мир – сторицей оправдывает все то греховодие, что там было у Давида с этой самой Вирсавией, за Урией бывшей – когда-то, давным-давно. Грех умалывается, а любовь – расцветает в полноте и прирастает детишками и внучишками. Задумайся над этим, Сандро!

Убил он меня этим аргументом. Не знаю, что и сказать. Стою и молчу, как дурак.

Фичино разводит руками.

- Ну не получается у нас сегодня протокол сформировать! - сокрушенно свидетельствует он. Да уж; кто о чем, а вшивый – о бане. Сдался ему этот сраный протокол. – Куда ни копни – ересь на ереси, и ересью погоняет. Сандро нарисовал Венеру с одной всего голой грудью (*другую она целомудренно успела прикрыть*) – церковь шипит, до сих пор успокоиться не может. В трудные времена живем, одно могу сказать. В трудные, но интересные. По традиции, я предоставляю заключительное слово правителю нашей славной Фиренци герцогу Медичи. И на этом очередной форум нашей Академии закрывается. Милости прошу на фуршет. Там все и доспорим.

- Спасибо, дружище Марсилио, - Лоренцо вальяжен. – Очень интересный доклад довелось нам прослушать сегодня. И с замечательным человеком повстречаться. Не печалуйся о протоколе, Фичино: в нашем сердце это все сохранится надежнее. Спасибо, дорогой брат Джованни. – Лоренцо проходит к Пико через весь зал, подходит к нему, обнимает. И – незаметно – касается языком кончика его уха. Незаметно, но не для меня. Со мной тоже когда-то – так же. Все хлопают, а у меня тоска в сердце, не продохнуть. Ревность, ярость, вождение, три в одном. Ох, и напьюсь же я сегодня в беседке. И не удерживайте.

Так и выходит. Я нажираюсь, как флорентийский боров, а потом Полициано и еще какой-то академик, не помню сейчас уже кто, волокут меня, точно безропотный кулек, в ближайшие покои и бросают там одного – спать или захлебываться в собственной блевоте, тут уж как пойдет. Я наполняюсь тяжелым пьяным сном академика. И через некоторое время, сквозь академический сон, ощущаю мутным сознанием своим, что ко мне кто-то прижимается. Целует меня в губы, в шею, потом спускается ниже. Со скрипом размыкаю тяжелые веки. Пико!

- Господи, мальчик мой, - шепчу. И у меня начинается истома. В такие минуты у меня судороги, меня трясет, и не остановиться.

- Тише, Сандро, - говорит Пико. – Помолчи немного.

Он целует меня в самом низу, делает всего несколько движений, и я улетаю. Пико поднимается ко мне. Снова целует меня в губы.

- Благодарю Лоренцо – говорит он. – Это он подарил меня тебе сегодня. И еще он просил передать тебе спасибо – за все, что у вас с ним было когда-то. Чтобы ты простил его – и не роптал. Мы с Лоренцо любим друг друга, и уже давно. Не первую жизнь, это точно.

- Но мы еще увидимся с тобой? – шепчу. Если скажет «нет», мне конец.

- Все, что у нас есть – говорит Пико, - это «здесь» и «сейчас». Свыкнись и с этой мыслью, Сандро, глупыш.

Картина 3. В поисках Ордена

3.1. Иерусалим. Соломон и Иегуда. Братство мастерка

Тиха израильская ночь ... Хорошее начало для поэмы, надо будет кому-нибудь подсказать. Цикады словно бы с цепи сорвались, стрекочут, как полоумные. Звезды - толщиной в кулак, меньше здесь не бывает. Жара держит вселенную в цепких удушливых лапах своих; земля раскалена, отдает воздуху накопленное за день тепло, и прохлады нет как нет, ни днем, ни ночью. Земле нужен дождь, но откуда ему взяться ... Спасибо тебе, святой старец Моисей. Славное ты выбрал местечко для пикника. Поколения благодарят.

Я здесь главный, меня зовут Соломон. Сажу за столом красного дерева и лениво потягиваю иноземное вино из золотой чаши, закусываю персиками. Типа, ужинаю. Дремота накрывает меня, дремота и зевота. Напротив меня стоит, взор потупив, священник Храма и пророк (*по совместительству*) Иегуда. Он же – мой советник. Я пригласил его на беседу; не хотел, чтобы слышал кто-нибудь из ближнего круга, всех отослал спать.

Когда умирал пророк Нафан – советник моего папы, Давида царя (*история с Вирсавией и мертвым младенцем*), - перед самой смертью он сам избрал себе преемника. Иегуда – это, конечно, не Нафан: и труба пониже, и дым пожиже. Да и пророчества у него – тоже не ахти что за там за словесность. Потом сверяемся по тексту – и смотрим, что все это, так или иначе, уже кто-то до него говорил, причем неоднократно. Вообще, это в нашей иудейской крови – одни и те же славословия множить по разным книгам, для верности, для ощущения, что мы ничего не упустили. Например, все папины псалмы - похожи друг на друга, как детишки из сиротского приюта. Никакого разнообразия. Ну что ж: повторение – мать учения, как водится. Как в школе для умственно отсталых, где обучение идет веками. В сотый раз – в первый класс. Умственно отсталый иудей, диво дивное. Однако бывает. Редко, но бывает. И довольно часто, судя по последним тенденциям.

- Присаживайся, Иегуда, - приглашаю его за стол, – в ногах правды нет. Выпей со своим царем. День был жарким, нужно отдохнуть от забот. Каждому дню – своя забота и свой отдых.

- Благодарю, царь, - отвечает Иегуда, - но я пощусь.

- Ну тогда попей воды, - наливаю ему в чашу из кувшина апельсиновый сок. – Постись внутри, но снаружи будь весел. Знаешь ведь, не люблю лицемеров.

Не смея отказываться, Иегуда садится, пригубляет из чаши. «Твое здоровье, царь». – «И твое».

- Так что у вас там происходит? – сразу беру быка за рога, сделав глоток импортного красного вина (*греческое, выдержанное, подарок царя Микен. Десять амфор вина – и наложница в нагрузку. Своих девать некуда*). – Что это еще за разговоры идут в синедрионе – по поводу моих баб и так далее? Какое ваше собачье дело вообще? – Я немного кривляюсь. Голосом делаю вид, что разгневан не по-детски, но внутри меня – ни одна нитка не колыхнется. В недрах души моей - покой, уют, дрема и

немного иронии по поводу всего происходящего – со мною, со страной и с миром. Собирают камни, разбрасывают камни, – а если со стороны поглядеть, то один хрен. Так и так все пройдет, а нового под солнцем ничего нет. Во всяком случае, я не видел. Разве что электричество, мне греки показывали. Трешь бараньей шкурой об эбонитовый стержень, а потом у тебя волосы липнут к этой палке. Выразительная штукавина.

- Синедрион считает, - начинает Иегуда осторожно, - что иноземные царицы обольстили Соломона и повели его вослед чужим богам. Соломон должен вернуться в объятия Бога Единого и Истинного.

- Смелое заявление, - говорю. – И каковы факты?

- Факты таковы, - Иегуда отвечает. – В этом году было построено два храма чуждым нам богам: Хамосу – мерзости Моавитской, и Молоху – мерзости Аммонитской. В прошлом году был построен храм Астарте – мерзости Вавилонской.

- Точно, - подтверждаю. – А теперь сравним инвестиционные бюджеты всех строек. Храм Яхве строился 15 лет. Совершенно безумные ресурсы были вложены – материальные и человеческие. Лес и камень везли за тридевять земель финикийскими кораблями и посуху, на волах. Десятки тысяч народу привлекались на строительство, отвлекаясь, тем самым, от сельского хозяйства. А то, что ты перечислил – это, на фоне храма Яхве, просто курятники. Не о чем и говорить. Сляпано на скорую руку, и, в основном, из местного сырья. Разве что оборудование для богослужений поставлялось из-за рубежа (*у нас просто ничего подобного не делают, с тех времен, как Лот с дочерьми эмигрировал из Содомы*). Дизайн – просто умора, без смеха не могу зайти туда. В общем, не храмы, а толерантность одна. Так что я не понимаю, из-за чего весь сыр-бор.

- Но ты участвуешь в богослужениях? – спрашивает меня пророк Иегуда.

- Можно сказать и так, - отвечаю. – Постою, бывает, рядом со своими женами минут пятнадцать (*на большее меня не хватает*), поглазею на обряд – и потом говорю, что пошел на заседание царского совета. А сам – сажусь в колесницу и рассекаю по пустыне. Люблю я это дело.

- А народ, - вворачивает Иегуда-пророк – говорит меж собой так: Соломон почитает чужих богов. Соломон не может служить одновременно Богу и истуканам, коими Хамос, Молох, Астарта, вне всякого сомнения, являются. Так не настает ли предел царству Израилеву?

- На всякий роток не накинешь платок, - отвечаю. – Когда открывали храм Яхве, облако вошло в скинию. Вот, пожалуйста, верный знак, где живет Бог, а где Его нет. Ничего подобного не наблюдалось ни у Астарты, ни у других идолов. Вывод напрашивается сам собой: никакого богослужения не совершается, а просто отдается дань должному, традиции. Жены мои, в основном, не местные, прибыли сюда издалека. Живется им, положила руку, не сладко, как в общежитии. Часто ругаются, плачут, ябедничают друг на друга. Так что раз в неделю сходить в храм потусоваться – это для них вроде как отдушина, все равно что шоппинг. Повод принарядиться, накраситься. После храма – как водится, посиделки под смоковницей за чаем, хоровое пение, частушки:

*Как на реках Вавилонских
Молодая я была.*

*А приехала в Израиль –
Чуть концы не отдала.*

От хорошей жизни таких частушек не слагают, согласись. Или вот такое:

*Соломон ко мне пришел,
Сунул, вынул и ушел.
У меня все зарастется,
Когда он опять вернется.
Нарасхват наш господин!
Тыща нас, а он – один!*

Поют и плачут, когда родину вспоминают. Тоскуют. И чего я, пожалею для них какого-нибудь сраного идола? Вы чего, вообще, ребята, ополоумели? Займитесь лучше делом – попросите у Яхве дождичка. Растения, животные, люди – изнывают без воды. Иордан пересох, ни умыться, ни зубы почистить.

В глазах у Иегуды загорается недобрый огонек.

- Государь, - говорит он, - дозволь говорить мне со всею прямою.

- Да я только этого и жду от вас, - отвечаю. – А то вы все лебезите, жопами виляете предо мною. Так что вас и не поймешь: то ли вы люди, а то ли – хрень на блюде. Говори как оно есть. И можешь быть уверен: я отвечу тебе открыто, без обиняков.

- Мы, жрецы Единого, - говорит Иегуда, - не можем допустить реставрации многобожия в Израиле. – Иегуда словно бы преображается. Как будто бы даже плечи у него распрямляются, доселе согбенные.

- Столько сил было потрачено, чтобы смирить жестокую выю этого народа. Ты мудр, Соломон, ты знаешь Тору наизусть. Вспомни историю с тельцом, вспомни Корея, Дафана и Авирона, как погибли они – и тысячи окрест них. Разве Моисей убивал их? Нет, их убивал Бог. Вспомни, как обходили Иерихон, как изводили под корень целые народы. И вот, все начинается заново. Сначала – скудные идольские капища. Потом – рощи на высотах. Затем – человеческие жертвы, как это и процветает в Двуречье. И мы, синедрион, не будем ждать, когда это случится. Мы выйдем на улицы и провозгласим на кровлях, что Соломон бесчестит Израиль, что он предает дело своего отца, Давида царя. И пусть собираются старейшины, и пусть они избирают среди себя судей, и пусть судьи правят Израилем, пока Бог не призовет нового царя. Так уже было, с этого начинался Израиль. И ты не сможешь воспрепятствовать этой инициативе, потому что мы, с Торой в руках, докажем нечестие происходящего в Иудее под твоим правлением. Ты можешь убить нас, как ты убил своего брата Адонию и министра обороны Израиля Иоава. Но, на другой день после нашей смерти твое царство – рухнет. И придут вавилоняне, разрушат Храм, порубят наших мужчин, изнасилуют наших женщин, а всех, кто останется в живых – погонят в рабство. Подумай над сказанным. Мы не угрожаем. Мы призываем к тому, чтобы ты вспомнил о Боге, которому в свое время присягнул на служение.

- Спасибо тебе за этот текст, Иегуда, - говорю я ему. Всю мою дрему как рукой сняло. Я снова как огурчик. – Давай-ка по порядку. Начну с малого – с убийства брата. Здесь все просто. Если бы я бы не убил его, он убил бы меня. Выбора у меня не было, и все это прекрасно знают. Надо было прикончить

еще первосвященника Авиафара, но ваши люди вступились за него. А у меня тогда не было сил бодаться с вами.

- Теперь второе, - продолжаю. – О человеческих жертвах и чужих богах. Я ненавижу иноземные культы. Веришь, не веришь - мне плевать. Для меня это все – не более чем средство управления моими бабами и пиар на зарубеж. Я сказал тамошним служителям: как только я прознаю, что они купили какого-нибудь ребенка в обнищавшей семье и распотрошили его на своем жертвеннике, - я распотрошу их и позакрываю все эти курятники на хер. Так что пусть тренируются на овцах, как и мы. Помнишь историю с Авраамом и Исааком на холме Иегова-ире? Мы тоже когда-то приносили человеческие жертвы нашему Богу. Об этом просто очень не любят вспоминать. Но это было.

- И теперь главное, - говорю. – Мне начинает надоедать ваша лавочка. Славно вы устроились. Как что для Бога – Соломон тут как тут, со строительными материалами и рабсилой. Сдали объект – спасибо, Соломон, ступай. Вы чего, прораба во мне увидели? Или вы думаете, что имя Божие для вас – это охранный грамота? И вы под эту музыку можете пытаться управлять страной, используя меня, как рычаг, шантажировать меня? Вы очень ошибаетесь. Самая главная моя печаль: облако больше не приходит в скинию. Яхве больше не интересуется Израилем, так я это вижу. И это беда. Поэтому и вы, священники Храма, и те, кто подвизается Астарте с Молохом – находитесь в равном положении предо мною. Я еще позавчера выдал указивку по окружкам: молиться о дожде. Элементарный вроде запрос. Уже три дня кряду молохослужители колотят в барабаны и бубны, режут овец и бьются лбом об пол. Эффект – нулевой. Придворные синоптики говорят, что дождь будет не раньше чем через месяц. Я специально пустил этих ребят вперед, чтобы у вас была форa. А то вдруг дождь пойдет, и вы окажетесь молодцы, а они – подлецы. О вас же хлопочу! Но я уверен, что вы тоже обосретесь. А, коли так – то на кой вы здесь вообще сдались. Если вам даже дождика выклянчить не удастся у Неба.

- У нас сейчас очень хорошие отношения с соседями, с тем же Вавилоном, - продолжаю. – Они видят, что у нас веротерпимость, что у нас всем богам – по серьгам. Их это устраивает, они понимают, что мы – не отморозки, как раньше, и что с нами можно иметь дела. Евреи совершенно изленились, не хотят работать. Поэтому я сейчас внедряю программу трудовой миграции. К нам приезжают работяги из разных мест: из Вавилона, из Персии, даже из далекого и неведомого мне Таджикистана. Все они приносят с собой свою веру и свои обычаи. И им должно быть хорошо у нас, комфортно. Чтобы они становились, со временем, полноценными гражданами Израиля, давали потомство. Я хочу перейти к поликонфессиональной модели. Поэтому курятники – это пилотные проекты. В дальнейшем, храмов подобного толка будет больше. Мы опояшем ими страну по периметру. Но над всеми ними будет возвышаться Главный Храм и Главный Бог, который находится как бы в центре системы, венчает систему. По типу греческого пантеона.

- И если вы будете мне мешать проводить реформы, - говорю, - я повешу вас на стенах Храма и скажу, что так и было. Я устрою показательный судебный процесс, где докажу, что вы готовили государственный переворот и захват власти. Затем я истреблю синедрион и заменю его другим каким-нибудь органом. Например, советом по делам религий, под руководством царя. Священный синод, так сказать. А на ваше место в Храм я поставлю ребят из курятников. Небольшие курсы повышения квалификации, - и они будут делать то же самое, что и вы, только интриг будет меньше. Обрежем их, для порядка, сделаем евреями. Сами курятники – снесу, а в Храме открою несколько приделов для локального богослужения: Молоху, Астарте, Ваалу и другим, кто там еще есть. Народу

объясним, что Яхве делегировал часть своих полномочий указанным идолам, и теперь они специализируются на отдельной функции. Астарта, например, отвечает за плодородие, Молох – за животноводство, Ваал – за мореплавание.

- Вот и задумайтесь, с кем вы, мастера культа, - завершаю свои спич. – Ты, Иегуда, вроде, приличный парень, не интриган, как твои коллеги, маразматизирующие стариканы, борода до полу. Поэтому я тебя хочу посвятить еще в один свой план. Если согласишься – это будет и твой план. Будешь слушать – или пойдешь спать?

- Я слушаю тебя, повелитель, - говорит Иегуда сдержанно. Сбил я немного спесь с него. Хорошо.

– Давай еще по одной, – предлагаю ему. - Может, все-таки, красненького? Не хочешь? Твое дело.

- Итак, Яхве покинул Израиль, - говорю я. Устроился поудобнее в своем кресле. – Ему уже неинтересно с нами. Ты можешь оставаться при своем мнении. Если я ошибаюсь, а ты прав – тем лучше для нас. Тогда наши бараньи жертвы, приносимые каждый день – не напрасны. Но рассмотрим пессимистический сценарий. Представим, что Яхве больше нет с нами. А надо продолжать жить, ходить на работу, растить детей, управлять страной и так далее. На что опираться, что сделать краеугольным камнем? Нужна альтернативная система, пронизывающая собою все общество. Система подготовки управленческих кадров, система идеологии. Если традиционные механизмы не работают (*имею ввиду Яхве*), надо внедрять новые механизмы. И тут я подумал о Храме.

- Наш Храм, - продолжаю, - распиаренная вещь. Восьмое чудо света, как говорят. Туристы со всего мира приезжают поглазеть. Храм – символ Израиля. Построить Храм – имеет тройной смысл. Можно говорить о храме в камне, а можно говорить о храме души. А еще можно говорить об обществе как о храме. Итак, мы построили храм вовне себя. Сейчас наша цель – устроить храм внутри себя. А затем – соединить наши храмы в единый новый храм, в церковь. Или в орден. Давай будем говорить об ордене.

- Итак, орден, - продолжаю я. – Орден братьев, или Братство. Я бы включил сюда и женщин, были бы у нас сестры. Но евреи не поймут. Пока рано. Братья. Строители Храма Соломонова. Соломон – Главный Брат. Это я днем вам, братьям моим, царь. А вечером я вам – брат, друг и товарищ. Я пью вино – садись со мной вино пить. Вот такой я вам брат – и одновременно – боевой командир, ваш вожак. Строим храм – устроаем Израиль. Разумеется, в символику Ордена возьмем строительные инструменты: угольник, циркуль, лопату, мастерок, цемент. Введем несколько ступеней посвящения, систему обрядов. Ученик – значит, совсем зеленый, должен еще созреть. Подмастерье – верный помощник мастеру. Мастер – руководитель высокого уровня. Ну и я – Архитектор Братства. В зависимости от ступени посвящения – расстановка на посты. Чем выше ступень, тем больше ответственности, и тем выше пост. Министры двора – все сплошь мастера; начальники провинций, мэры городов – подмастерья. Причем я хочу рекрутировать в Братство не только иудеев, но и остальные народы. Надо понемногу уходить от концепции богоизбранности иудейской; мир глобализуется, интенсивно развиваются торговые связи, так что нам нужны братья и за рубежом. Желательно – на самом верху, чтобы лоббировать экспортные контракты. Евреев часто притесняют, не берут на руководящие должности. Значит, пойдем в обход.

- Снаружи в Израиле все остается как было, - говорю. – Царь остается под контролем синедриона, исполняет волю Яхве. Но на деле – все наоборот. Через пару лет ты становишься первосвященником и мастером логи. Как это обеспечить – не твоя забота. Станешь как бы двойным агентом. В синедрионе будешь говорить, что Соломон под колпаком, а не деле – приберешь лавку к рукам, расставишь наших людей, из Братства, молодых и перспективных, с готовностью проводить церковную реформу. Отсталых замшелых стариканов, борода до полу, – на пенсию, отработались. Формально идеология Израиля не меняется. Но, фактически, власть в стране переходит к Ордену. Когда я умру, вы выберете себе нового Архитектора. Если на нас нападёт Вавилон, и Израиля не станет, – вы уйдёте в подполье и будете продолжать то же самое. Найдёте себе страну попроще – и сделаете из неё Новый Израиль. А затем превратите в Израиль весь мир. Так я это вижу. Нравится моя идея?

- Мне надо подумать над сказанным тобою, повелитель, - говорит Иегуда. Совсем заморочил человека. Ну ничего, он справится. Должен согласиться. Амбициозен.

- Иди и думай, - говорю. – Ответ жду завтра от тебя, к вечеру. Передай синедриону, чтобы молились о дожде. Для усиления молитвы – строгий пост, хлеб и вода. Пока дождя не будет – не разговляться. Если не надумаешь, - я меняю советника, не обессудь. Кстати, я удвоил охрану, и мои рабы пробуют всю еду, что идет ко мне на стол, у меня на глазах. Так что не глупите. Да, и вот еще что. Помнишь Адонирама?

- Как не помнить, - Иегуда говорит. - Главный архитектор Храма. Он еще в арыке утонул. Запутанная история.

- Запутанная, - повторяю я за ним, - и совершенно необработанная. Надо что-нибудь с этим делать. Например, враги храма убивают Адонирама, с использованием строительного инструмента. Сделаем это базовой легендой Ордена. Надо обрастать фольклором, чтобы шло поживее. Легенда с тебя, к завтрашнему дню. «Умрешь недаром! Дело прочно, / Когда под ним струится кровь». – Встаю, подхожу к Иегуде, хлопаю его по плечу. - Это я не о тебе, а об Адонираме ... царь так шутит. Впрочем, в каждой шутке есть доля шутки. Ступай, Иегуда, спокойной ночи.

Хороший стишок может получиться, кстати; надо будет кому-нибудь подсказать.

3.2. Сиена. Антоний и Франциск. Госпожа Бедность

Мы стояли близ Сиены, в палатках, готовились выйти в город на проповедь. Нас было пятьдесят человек меньших братьев, миноритов – практически все, кто был в Италии на тот момент. Все остальные – разбрелись благовествовать по городам – во Францию, в Германию, в Грецию. Многие садились на корабли крестоносцев, что направлялись напрямик в Палестину. Многие – добирались до Туниса, проповедовали язычникам – и гибли, мучительной смертью. Потому что мавры, в большинстве своем, итальянским не владели, и проповедь оказывалась тщетной. И я, вместе с моими братьями, искал смерти похожим образом, - но Бог уберег. Прямо на корабле меня свалила дизентерия. Чуть не умер. Видимо, Бог готовил для другого, отвел.

Поутру прибежал ко мне в палатку Лука Беллуди, закадычный мой дружок. Уже два года вместе.

- Франциск зовет тебя, - говорит он, запыхавшись. – Я только что от него. Срочно. Не пойдешь в Сиену.

- Вот тебе и на, - говорю. – А куда же?

- Не знаю, он не говорил. – И Лука убегает.

Препоясываюсь, иду. Франциск не ночует с нами в палатках. Найдёт какую-нибудь тряпицу или клочок сена, подтыкается – и так вот почивает, прямо на голой земле. В результате – насквозь больной, все время кашляет. Иногда мне кажется – дурачок наш патрон, юродивый. А вот и нет. Птицы его слушают, с прокаженными моется в одном корыте. Недавно уговорил волка-оборотня отступить от Губбио. Чудеса каждый день, я и сам видел. А недавно вернулся он из Палестины – живой, что само по себе уже чудо. Да не просто живой, а с дарами, да от самого Саладина, правителя неверных. Дары, разумеется, немедля сдал в ближайшую церковь, под расписку. И снова здорово – ходит, радуется Богу, оборванный, грязный и вечно голодный. Как и все мы.

Мне рассказывали, как он из родного дома уходил. Прошелся с подаянием по Ассизи, выставив миску перед собой. Кто туда помоев плеснет, кто супу, а кто просто плюнет. Походил Франциск по городу, наполнил миску до краев – и тут же этот суп и выхлебал. И ни разу не подавился. Такой человек.

Подхожу к нему, а он молится. Встал на молитву рядом, в двух шагах от него. Наконец, Франциск встал с колен, дождался, когда я домолюсь. Обнялись. «Хорошее утро, брат, и Бог нам на помощь».

- Как твой итальянский? – спрашивает. А я ведь португалец, родом из Лиссабона, и звали меня когда-то Фернандо. Это потом монахи меня окрестили «брат Антонио», в честь святого сирийского отшельника.

- Подвигается, - говорю. – Еще не бегло, но говорю. И акцент уходит.

- Это очень кстати, - говорит Франциск. – Есть срочное дело. Надо добраться до Римини. И проповедовать там Иисуса Христа, и притом распятого.

- А в чем срочность-то? – недоумеваю. – Мы и так движемся с юга на север. Придем и в Римини, где-то через месяц, если Бог допустит.

- Вчера у меня был человек из Рима, - Франциск отвечает. – Папа Гонорий готовится послать войска в Римини. И, если мы не поторопимся, прольется большая кровь.

- Катары? – Я, кажется, начинаю понимать.

- Да, катары, - отвечает. Вижу, меняется, большая печаль ложится ему на чело. – Монсегюр пал. Они выволокли всех оставшихся защитников города на близлежащее поле, привязали к столбам, обложили сеном и сожгли. Женщин, детей – всех. Никого не пощадили.

- А где был Бог в это время? – спрашиваю. Горечь неимоверная разливается во мне, не дает дышать.

- Нам нельзя усомниться в промысле Божьем, - говорит Франциск. Сердцем чую, что в нем творится то же, что и во мне сейчас. Боль переполняет его. – Значит, так было надо. Просто надо взять за основу – и действовать сообразно. Если есть шанс спасти людей – надо вооружиться молитвой и идти спасать. Они еретики, они согрешили, - но они люди, и у них – душа, ищущая спасения. Мне больше некого послать, кроме тебя. Из тех братьев, кто остался со мной, никто в одиночку не работал, и проповедь их слаба. А рисковать мы не имеем права. Либо катары покаются, либо они сгорят. *Tertium non datur*.

- Когда мне идти? – спрашиваю.

- Сейчас, - говорит Франциск. – Позавтракаешь по дороге. Но сначала давай проговорим с тобой основы нашего дела. Тебя будут спрашивать, чьим именем ты свидетельствуешь. Отвечай так: именем Господа Иисуса Христа и именем Франциска, меньшего из братьев, пославшего меня к вам. Они спросят, что за Франциск, и ты должен будешь рассказать им о нашем Ордене, на каких принципах он построен, что взяли мы от веры евангельской, и с чем в современной церкви мы не согласны. И, демонстрируя нашу жизнь, мы показываем, что можно жить по заповеди Христовой – и не грешить пред Богом.

- Главный принцип, что мы берем за основу, - это наша Госпожа Бедность, - продолжает Франциск. – Служа Богу, мы исходим из бедности, из недостатка, а не из избытка. Как у Павла: «Мы ничего не имеем, но всем обладаем». А зачем нам наша бедность, как разумеешь?

- Чтоб не попасть в лапы к богатству, - отвечаю.

- Правильно, - соглашается Франциск. – У Павла писано: «Все вам позволительно, но не все полезно». Или в Псалме: «Богатство, аще течет, не прилагайте сердца». Богатство, любая собственность – привязывает к себе. И в какой-то момент ты думаешь уже не о Боге, а о своих вещах. Христос призывает нас не думать о том, что нам есть-пить и во что одеться. Обрати внимание, - показывает он на дорогу. Вижу: спешит человек, а в левой руке несет что-то тяжелое. - Мы стоим здесь со вчерашнего вечера, - Франциск продолжает, - и никто еще не знает о том, что мы пришли. Однако, вон идет крестьянин с корзиной. В ней – хлеб и фрукты. Он несет все это нам. Утром к нему приходил Ангел и повелел ему нас накормить. Крестьянина зовут Марчелло. Давай попросим Бога, чтобы ему повезло в жизни. А то у него жена месяц назад умерла, и двое детишек осталось. Тяжело ему, бедолаге.

Мы мысленно творим молитву. Я уже привык к чудесам, что творит наш Франческо, так что почти не удивляюсь. Франциск продолжает:

- Бедность – это способ полюбить ближнего. Имеешь две рубахи – отдай одну тому, кто не имеет. Имеешь две краюхи хлеба в котомке – поделись, не жадничай. Бог создал всех равными. Он не говорил, чтобы один обжирался, а другой – голодал. Разумею нашу церковь. Она тучнеет на глазах. Епископы обряжаются в сутаны с золотым шитьем, устраивают выезды и соколиную охоту. А по деревням недород, крестьяне пухнут с голоду. Разве Христос, быв главою церкви, позволил бы Себе оставлять Своих братьев голодными? Никак!

Мне очень нравится, как проповедует Франциск, какую риторику он применяет. Маленький, щупленький. Но, когда он говорит, он словно бы становится выше всех нас, занимает собою все пространство. Слушаю, как замороженный, всегда. Очень многое берет у апостола Павла. Наверное, и Павел говорил, как он. С той же силой. «И слово его было со властью».

- С Бедностью понятно, - продолжает Франциск. – Теперь тезис второй: Братство. Зачем нам братство, поделись мыслями.

- Затем, что таковыми сотворил нас Бог, - отвечаю, не задумываясь.

- Верно, - Франциск соглашается. – Мы, устроявшись своими грехами, видим в ближнем врага и соперника в борьбе за существование. Наш омраченный ум и в толк не возьмет, что все мы – совершенно одинаковы внутри своего существа. Мы все – дети Божии и братья Христовы. А, раз братья Христу – то и друг другу, как и Он – нам. Кто не любит брата своего, тот сам себе враг. И жизнь его становится тогда тщетной, и молитва – никчемной. Мало добиться примирения вражды, нужна любовь – как готовность положить жизнь за други своя. Вот, ты идешь в Римини. Чего ради? Чтобы спасти братьев. Катары нам – братья. Они – еретики, но они верят в Бога. Иначе, чем мы, но верят. Они блюдут чистоту и нестяжание в своих рядах, ища угодить Богу таким вот образом. У них есть свое богослужение, свои таинства. Вправе мы их укорять? Нет. Мы вправе только указать им другую дорогу. Дорогу, идя которой, спасаешься.

- Меня часто спрашивают, - перебиваю его, - принимаем ли мы в Орден женщин. Насмежаются, конечно. Но ведь у нас есть женские Ордена?

- Всего один пока, - говорит Франциск. – Тот, в котором генералом – Клара Оффредуччи, моя добрая сестра во Христе и верная спутница. Я написал им устав. Женщинам трудно дается. Слишком велики лишения. Кто в состоянии перенести, у кого мужское сердце – пусть приходят, отказа не будет. Но лучше бы они оставались дома – или поступали в монастыри. Наш путь – необщий, он тернист.

- Что еще главное в нашем деле? – спрашивает Франциск сам у себя. – Благодать. Христос говорит: «Без Меня не можете творить ничего». А Павел вторит: «Мы под благодатью, а не под законом». Обрати внимание: мы никогда не готовим проповедь заранее. Я знаю, ты делаешь конспекты. Считаю это твоей ошибкой. Любая проповедь идет через нас Духом Святым. Мы не должны думать о словах, мы должны думать о том, чтобы оказываться в нужное время в нужном месте и в нужном духе. Мы должны быть открыты Духу, что пойдет через нас – всякий час и на всяком месте. Проповедь, которая идет только лишь от нас самих – это не проповедь, а наше частное мнение. И таких проповедей у нас быть не должно.

- Что же в итоге? Бедность, Братство, Благодать, - завершает Франциск. – И все и во всем – Христос. Держись этой линии – и не собьешься. Главный аргумент катаров таков: мир злой, потому что его создал злой, уродливый бог. Если случился на свете Монсегюр, то это – слабость доброго бога и всемогущество бога злого. Как будешь возражать?

- А откуда тебе известны их аргументы? – спрашиваю, вопросом на вопрос.

- Человек, что приезжал ко мне вчера, - отвечает Франциск, - был катаром. Мы с ним всю ночь проговорили, а на заре он ускакал в Римини, чтобы подготовить своих братьев. О твоём походе ему ничего не известно, и хорошо, так и надо. Ну, так как возразишь катарам?

- Здесь может быть только один ответ, - говорю я. – То, что мы полагаем злом, по природному недоумию своему, на поверку оказывается добром. Божий Промысел не ведом нам во всех тонкостях, во всех деталях. Мы можем только догадываться. Да, Монсегюр сгорел. Но душа – бессмертна, и никто не умирает. Те мученики-альбигойцы, вероятно, пожертвовали собой во имя некоторой большой Божьей задачи. Мы не знаем, какой, но это должно быть так. Да, нам всем суждено умереть. И мы страдаем, много страдаем, каждый день. Павел пишет: «Я каждый день умираю». Что же, предъявлять Богу нашу смертность и нашу муку, словно бы вексель – и требовать немедленной уплаты? Нет, мы так делать не станем. Потому что мы доверяем Богу, Который – всеблаг.

- Считаю, что этот диспут ты проиграл, - говорит Франциск. – Катар изначально верит, что бог – зол. А ты в то, что он – добр. Но катару явочно видно, что твой бог никого не защитил, ни за кого не вступился. Твой бог позволяет князьям и епископам – обжираться от пуза, а беднякам –дохнуть с голоду. Ты можешь оказаться правым, а катар – нет. Но ваши позиции не могут быть примирены. Катар останется при своем мнении, а ты – при своем. Цель проповеди не достигнута.

- Как же отвечать? – спрашиваю я.

- Отвечай поступками, - говорит мне Франциск. – Когда в Римини войдут войска папы, все, что ты сможешь сделать – это перейти на сторону катаров и сгореть вместе с ними. Тем самым, ты засвидетельствуешь мощь Благого Бога, Который дает силу своим сыновьям – отречься от себя, вплоть до крестной смерти, как и Христос. Если будешь всечасно готов к жертве Святого Креста, то у тебя найдутся верные слова и во время проповеди. И ты всех обратишь, и костры не понадобятся. А теперь – иди. Храни тебя Господь.

Франциск крестит меня, мы обнимаемся. Я поворачиваюсь и ухожу. Надо еще успеть попрощаться с Лукой.

- Антоний! – Это Франциск зовет меня. Оборачиваюсь.

- Не надо тебе прощаться с Лукой, - говорит Франциск. – Иди налегке. Вы еще свидитесь, причем довольно скоро. Знаешь, что я еще забыл тебе сказать? Если проповедь твоя не возымеет действия на людей, ступай на берег моря и проповедай рыбам.

- Рыбам?

- Да, рыбам. Возможно, будет больше проку.

3.3. Париж. Де Моле и де Буйон. Финансисты Христовы

На излете – тринадцатый век. Париж, Тамплъ. Меня зовут Жак де Моле, я – магистр Ордена тамплиеров (*как потом выяснится – последний магистр Ордена*). Рядом со мной сидит главный казначей Ордена, Роже де Буйон. Мы готовим годовой финансовый отчет. Мы уже получили отчеты из филиалов и теперь проводим консолидацию. Еще не родился монах Лукино Пачоли, еще не придумал он метод двойной записи по бухгалтерским счетам. Но мы уже применяем эту технику в полный рост. Просто, когда нас сожгут, это искусство окажется временно утраченным, а потом вернется. Однажды инквизиторы подпустят монаха Пачоли к нашим ведомостям – разбираться. И он вдруг все поймет.

Есть Орден видимый - и Орден невидимый. Видимый Орден – это наши переменные успехи в завоевании Гроба Господня, грамота от папы (*вроде свидетельства о регистрации*), наши филиалы, наша благотворительность, наша безукоризненная репутация во всем, что касается денег и драгметаллов. Невидимый Орден – это масонская ложа о шестнадцати ступенях. Мы - строители Храма Соломонова (*Тамплъ, в переводе с французского – это башня, или храм*). Но мы строим его уже не из камня, а из душ человеческих. Из самих себя, в первую очередь. Как и завещал нам Соломон – наш первый магистр. Магистр Ордена – это явное название моей должности, для внешних. Для посвященных же братьев я – Архитектор (*16-я ступень*). А Роже де Буйон, для посвященных же, – Рыцарь пурпурной ленты (*10-я ступень*).

- По какой ставке мы сейчас ссужаем евреев? – интересуюсь.

- Под 20% годовых, - Буйон отвечает.

- Ничего себе, - я, честно говоря, слегка ошарашен. – Как же они отработывают такую ренту?

- Дают наши деньги нечестивцам в рост, под 40% годовых, - Буйон сухо свидетельствует. – Причем нечестивцы – это все, кроме них самих.

- Выходит, - заключаю я, - что мы собственными руками роем могилу странам, в которых работаем. 40% - это невозможная ставка. Ведь те, кто кредитуются у евреев, заведомо подписывают приговор собственному имуществу. Кончается все тем, что весь мир переходит к евреям под каблук. Нам это надо?

- Нет, не надо, - Буйон соглашается. – Но что ты предлагаешь? Закрывать евреям кредит?

- Я еще не знаю, - отвечаю я. – Надо подумать. А под какой процент мы кредитуем своих?

- Под 10% годовых, - отвечает Буйон. – Но мы кредитуем не всех, а только тех, в ком мы уверены. И под твердые залоги, 130% стоимости к размеру долга.

- Вот именно, - говорю я. – А евреи кредитуют наоборот: тех, кто заведомо отдавать не собирается, но у кого есть активы. Недвижимость, например. Доводят должника до разорения, а потом вынимают активы – и за бесценок распределяют среди своих. Половину продают, рассчитываются с нами, а половину - оставляют себе как гешефт. В итоге – растут, как на дрожжах, усиливаются.

- Так делать-то что? – Буйон опять спрашивает.

- Да не знаю я! - отвечаю ему с раздражением. – Думать надо. Плохо все это может кончиться для нас. Придут евреи к нашему венценосному государю Филиппу Красивому и скажут: государь, закрой орден и конфискуй все его богатства. А мы, в уплату этой услуги, будем кредитовать твой двор под 20% годовых. Спрашивается, из каких средств? А из тех самых, что они нам остались должны, но, в связи с ликвидацией Ордена, не нашли кому отдать. Здесь есть только один выход – делать цессию долга с Ордена на частных лиц. Чтобы снизить риски сценария нашего разгрома. Чтобы евреи всегда знали, что возвращать денежки все равно придется.

- Тогда у них появится соблазн расправиться с нами лично, - Буйон заявляет.

- Это тоже правда, - отвечаю я. – Тогда принимаем такое решение: продаем все еврейские долги с наценкой 5-10% им же самим. И забываем эту тему, как страшный сон. Помечай себе, в план финансовых мероприятий на следующий год.

- Боюсь, что их банки не смогут это переварить, - сомневается Буйон. – Объем слишком значительный. Примерно тридцать тысяч ливров.

- А в золотом эквиваленте сколько это? – интересуюсь.

- Четыре унции на ливр, - высчитывает в уме Буйон. – 120 тыс. унций.

- Что называется, доигрались, - констатирую я. – Есть еще один выход – прокредитовать французский двор. Но не деньгами, а еврейскими долгами. По номиналу. Пусть Красивый сам получает с них это золото – и платит нам. Пожалуй, это ответ. Как находишь?

- Превосходный выход, - Буйон ухмыляется. – Убиваем двух зайцев одним выстрелом. А то Красавчик плачет, что мы его плохо ссужаем. А у него каждый день – то юбилей, то война, то крестовый поход.

- Хоть с одним вопросом разобрались, - выдыхаю. - Что у нас еще? Чеки. Хорошую ты подал идею год назад, мы здорово поднялись на этом. Какой тут механизм, расскажи.

- Мы реализуем платеж за море, - объясняет Буйон. – Но не золотом, а денежным чеком, на который получатель золота ставит свой отпечаток большого пальца правой руки. Чек выписывается покупателем товара, на нашем фирменном бланке. Одновременно покупатель депонирует здесь, в Тампле, золото по чеку, а мы ему даем депозитную расписку. Мы ставим на чеке свою гарантию платежа – фирменную печать и мою подпись. Получатель денег возвращается в свою страну - и там, в нашем региональном отделении, получает золото по чеку, расписываясь на чеке за получение. Предварительно наш клерк снимает с него отпечаток большого пальца – и сверяет с тем, что стоит на чеке. Погашенный чек возвращается к нам, с очередным нашим торговым кораблем. Как только чек появляется у меня на столе, – я тут же даю приказ о зачислении золота с депозита в хранилище, с уведомлением владельца золота. Он приходит, возвращает нам расписку, а мы ему – погашенный чек. В итоге, все остаются довольны. Покупатель товара отпускает от себя золото только после того, как

удостоверится в платеже. Продавец товара лишен необходимости возить деньги с собой. Его не ограбят, и золото не пропадет. И нам хорошо – не надо инкассировать золото из регионов в штаб-квартиру. Корабли, бывает, тоже тонут. Или их топят.

- А сколько мы берем денег за эту услугу? – спрашиваю.

- Полпроцента от суммы, в момент погашения чека золотом, - Буйон отвечает.

- А сколько еврейские банки взимают за акцепт векселей, которые они учитывают у себя? – спрашиваю.

- Два процента, - отвечает казначей. – Оформляется как дисконт.

- Снова мы перебежали им дорожку, - отмечаю. – Ведь нет принципиальной разницы, что возить через море – вексель или чек.

- Они уже бегали жаловаться королю на нас, - Буйон поясняет. - Но король в этом вопросе занял нашу сторону. Сказал, что надо работать над себестоимостью, снижать транзакционные издержки. Они уходили от него, скрипя зубами. Сейчас думают над снижением дисконтной ставки. Потому что своего брата-еврея они еще могут понудить расплачиваться своими же банковскими векселями, а нас, нечестивцев, - уже нет.

- Нам не избежать конкуренции с евреями, - делаю мрачный прогноз. – Они давно сделали деньги своим вторым богом. А знаешь, что я только что подумал? У нас все-таки есть преимущество перед ними. Совершенно неубиваемое. – Тут лицо мое светлеет.

- Какое? – Буйон интересуется.

- Тот обет, что мы давали перед вступлением в Орден, - говорю. – Обет совершенной нищеты. Ни у тебя, ни у меня – ничего нет за душой, и быть не может. Все золото, которым мы рулим, принадлежит не нам, а Богу. И, чем больше мы отрекаемся от собственного богатства в своем служении, тем большими потоками нам приходится управлять. Потому что клиенты знают: к нам ничего не прилипает. Мы действуем Бога ради. Поэтому нам доверяют капиталы, поэтому нам делают такие пожертвования. Мы прирастаем не богатством, а деловой репутацией. Поэтому мы кредитруем под минимальные проценты и выставаем минимальные комиссионные. Чем еще больше расширяем свою клиентскую базу. Мы применяем те же инструменты, что и евреи, - но исходим из другого. Они финансируют сами себя, а мы, условно говоря, финансируем Христа. Вот так-то.

- Тем не менее, мы принимаем финансовые решения, - оппонирует Роже де Буйон. – А между полным владением и правом на управление, - разница не столь уж большая.

- Совершенно верно, - подтверждаю. – Мы распоряжаемся финансами Ордена как своими собственными деньгами. И никому не обязаны отчетом в своих операциях, ни королю, ни папе. Есть общецерковный налог, что мы ежегодно засылаем в Рим. На этом наша связь с папой, в основном, и заканчивается. Тем лучше для дела. Золото, что мы загружаем в свои охраняемые подвалы – это раствор, который мы пользуем, строя новый Соломонов храм. Стратегическая финансовая цель

Ордена – это сам Орден, его грядущее благосостояние, его распространение по всей земле, его безопасность и его независимость, ни от пап, ни от государей. Мы – транснациональная корпорация, со своей сверхзадачей. Мы просуществовали две с половиной тысячи лет, жили тайно, в подполье. И только сейчас нам дали выйти на свет, развернуться на полную мощь, чем мы и не преминули воспользоваться.

- И есть еще одно важное свойство, - дополняю. – Евреи – это торговцы и ростовщики, никогда и ничего больше. Мы – монахи и воины, два в одном, которые по совместительству являются еще и финансистами. Поэтому мы всегда будем стоять над евреями. И однажды – найдем возможность поставить их в то стойло, которого они заслуживают, по праву силы и чести. Заставим их работать на нас, на нашу цель.

- Если не обломаем об них себе зубы, - Буйон сомневается. – Они хитры, они обладают примерно такими же золотовалютными резервами, что и мы. Они гибки, увертливы. Жизнь в рассеянии научила их многому. Иногда мне кажется, Жак, что ты их недооцениваешь. Их программа – сродни нашей. Они хотят заполучить себе весь мир, как и мы. Они не стесняются в средствах для достижения своих целей, как и мы. Притом они – глубоко аморальны. На фоне их аморальности мораль нашего Ордена – это уязвимое место, Ахиллесова пята.

- Или – щит Аполлона, - парирую его. – Не будь у нас тех принципов, что мы воздвигаем на свои стяги, - чем бы мы отличались от них? Да, они могут прибрать к рукам весь мир, тут ты прав. Но они не смогут его удержать. И, даже если нам доведется потерпеть поражение в этой схватке, - оно все равно будет временным. И однажды мы – вернемся, не сомневайся.

- Хочется тебе верить, - Буйон говорит. – Но давай продолжим, у нас еще масса вопросов по годовому отчету. Взаимозачеты, сворачивание внутренних оборотов перед консолидацией ...

- Не сегодня, Роже. – Я чувствую, что устал. – Завтра, после утренней молитвы. Идет?

- Идет, - Роже соглашается. - Сходи на Сену, проветри голову. Вечер выдался ясный. После дождя воздух делается чище. Прихвати с собой дежурного оруженосца. А то Париж – город контрастов.

- Не стыди меня, - говорю. – Мой меч – всегда при мне, и он меня никогда еще не подводил.

Эпилог

Россия, Питер, начало двадцать первого века от рождества Христова. Лето, июль. Белые ночи – к концу. Раннее утро. Я, некогда Арий, проснулся ни свет ни заря – и не сомкнул глаз. Ворочался, перекатывался с боку на бок. Потом поднялся с дивана (*видимо, уже бесполезно ворочаться*), вскипятил чаю, открыл ноутбук.

Передо мной на экране – 12 тезисов. Это – концентрированный опыт нашего коллективного мировидения, и это не одну жизнь варилось у нас в мозгу и в сердце. В этой жизни – мы собрались заочной группой и изложили за два месяца. Люди разные, живут в разных городах бывшего Союза ССР. Кто-то по натуре своей – тяготеет к христианству. Кто-то – теософ и астролог. Кто-то (*например, я*) – поглядываю на Восток. У нас души разного цвета. Посему – несовпадающие словари, плохо стыкующиеся наборы понятий. Но вот, все же, попытались согласить. И назвали это **Summum Bonum** – Предельное благо, коего мы смогли бы достичь, кабы действовали заодно. По аналогии с Символом Веры, с Credo. Но это не кредо, это – объединяющее нас видение. А кто во что из нас верит, - это личное дело каждого, и к делу не относится.

Summum Bonum

1. **Постулат разделения.** Нет ни одной веры или конфессии, ни одной науки или школы, ни одного человека или организации людей в мире, которые явили бы нам Истину и Правду этого мира во всей их первоизданной полноте. Наша внутренняя природа, устройство нашей души, накладывает на нас существенные ограничения познавательного плана. Объединяясь в союзы, примыкая к тем или иным течениям веры или мысли, мы не преодолеваем отмеченные познавательные ограничения – мы узакониваем их, придаем им статус, рассматриваем их как опознавательный знак в системе «свой-чужой». Действуя таким образом, мы разделяем мир. И всякий из нас, кто утверждает, что одна вера, одно мировоззрение, одна церковь или одна наука способны обнять, вместить в себя всю полноту Божественной Истины – тот еще не прошел требуемую часть пути к Ордену. Такой человек не может стать участником нашего Ордена.

2. **Постулат объединения.** В то же время, мы непрерывно ищем последних истин, потому что Истина одна. Такова наша природа и наша вечная потребность познавать мир, меняться в мире и изменять мир. Важно не то, на какой уровень предельного осознания мы выйдем в тот или иной момент. Важны: добрая воля продолжать поиск, и жажда найти ответы на все вопросы. Продвижение к Истине по пути совершенствования и познания через вмещение и переосмысление старого и традиционного – наш принцип. Действуя таким образом, мы объединяем мир, приглашая людей пересечь все границы, выйти из оков изоляции традиционных взглядов. Всякий, кто действует так, кто готов освободиться от вековой догмы, коллективного мнения или от диктата научного авторитета – это потенциальный рыцарь

Ордена, Когда-то Земля покоилась на черепахе, и это мнение тоже считалось научным. В наших силах – выдвигать иные гипотезы – и полагать их столь же научными или продиктованными нашей верой, как и те гипотезы, что выдвигались до нас.

3. **Постулат Единого.** Большинство людей верят, или хотя бы допускают то, что есть высшая воля, или высший разум, или высший порядок, создавший мир и управляющий им. Первопричина Творения непостижима, но проявляет себя образе «силы прямого действия», трансцендентной и имманентной человеку, которая являет себя людям через их представления и выражается в разных религиях, основанных на вере в трансцендентное. Мы называем непроявленное первоначало – **Единый**, не давая ему каких-либо качеств, атрибутов и определений. Никто и никогда не скажет где Он, когда и как. Он – Сущий.

4. **Постулат творения.** Единый проявляется для нас как Творец, находящийся в проявленном мире. Он проявляется как неслиянное и неразделимое единство: Отец-Мать-Ребёнок – проецирующее своё существование на все планы бытия видимые и невидимые нам. Ребенок - это плод брака Двух Начал Творения, порождение Любви Бога к Самому Себе. Высшая цель Творения находится в недрах Творца. Мы, осознавая эту Высшую Цель – соглашаемся с ней, принимаем ее и разделяем ее. Мы верим, что Творец – Всеблаг. И пусть творение – Его великая Игра, это добрая Игра, правила которой мы с радостью принимаем.

5. **Постулат Майи (Иллюзии).** В процессе творения Творец порождает отдельные души, с ограниченным видением Творения (элохим), которые иллюзорно полагают себя автономными сущностями, обладающими волей, властью и свободой. Истинное знание состоит в том, что Творец и порожденные им души существуют друг относительно друга в неслиянном и в нераздельном единстве **холархии**. Это единство достигается и осознается при срывании покрова майи с души, в ходе ее творческой эволюции – **апокатастасиса**. Элохимы проявляют себя на нашем обыденном плане бытия, как идеи-души вещей.

6. **Постулат цветового многообразия душ.** Проявление Единого, данное через откровение и веру, или через отрицание откровения или веры, имеет много имён. Мы считаем, что это многообразие фундаментальным образом обусловлено различиями в душевном устройстве людей (которое наилучшим образом представимо, как многообразие цвета души). Душевное многообразие человечества (а, возможно, и других разумных существ) отображает в себе и устройство Проявленного Божества. Исследуя человечество, можно представить образ и форму Проявленного Божества. Это мир, высшей холархической упорядоченности Проявленного Божества предшествующий нашему миру, который мы называем **Мир Сияющий**.

7. **Постулат триады.** От Единого исходят, или порождаются им, или творятся - Небо и

Земля, формирующее и формируемое, Отец и Мать (всех вещей), Свет-Идеи и Энергия-Материя. Соединение Неба и Земли, Отца и Матери, Идеи и Энергии порождает их Ребёнка, как новое явление, нераздельное и неслиянное с порождающими его сущностями. Ребёнок – и есть Душа – Элохим высшего уровня, в свою очередь, порождающая-творящая все души, которые являются творящими прообразами вещей и явлений этого мира. Триада «Отец, Мать, Ребенок» - являются ипостасями проявленного божества, находящимися в любой вещи, в том числе и в человеке.

8. **Постулат холархии.** Проявленный мир, и Мир Сияющий в сердцевине проявленного мира, имеют холархическое строение. Мировая душа, **Элохим**, включает (**вмещает**) в себя души (**холоны**) следующего уровня, те следующего, и так далее. Предел дробления конечен. «Элементарная одушевлённая частица» – дхарма. Холархия эволюционирует через преодоление изветшавшей формы самой себя, с выходом на новый уровень, через вмещение и переработку холонов низших уровней холархии.

9. **Постулат реинкарнаций.** Человеческая душа может воплощаться в этом мире неограниченное множество раз. Здесь она не помнит (как правило) своих прежних воплощений, но в Мире Сияющем помнит их все. Информация о любой жизни неуничтожима, хранится в душе вечно - и может, при определённых условиях, «судиться» холоном более высокого уровня (проходить фазу стороннего оценочного суждения) при восхождении души на новый уровень холархии. Душа, как психо-энергетический феномен Мира Сияющего, как элохим, - одна на всех, кто был ею здесь, воплощаясь в физическом теле. Но в Мире Сияющем каждая личность существует в этой душе как «Я» - т.е. как неслиянная и нераздельная часть Божества. Вопрос о жизни и смерти для нас не стоит: смерти нет, а жизнь вечна.

10. **Постулат апокатастасиса.** Цель любой души – восхождение к её первопричине – холону высшего уровня – Элохиму, **апокатастасис**. Восходя на следующий, более высокий уровень, душа вмещает все души-холоны низших уровней. Разумеется, душа низших уровней не может вместить души более высокого уровня.

11. **Постулат Summum bonum.** **Высшее благо** для человека – достичь высшего уровня в холархии холонов, стать Всем во Всём. Высшее благо человечества - обеспечить непрерывный и интенсивный апокатастасис душ, для чего построить жизнь в этом мире на тех же основаниях, как в Мире Сияющем.

12. **Постулат свободы и ответственности.** Человек свободен в своих поступках. Но, чем выше его душа расположена в холархии, чем яснее и теснее его связь с Миром Сияющим, тем

более он склонен выражать законы существования того мира здесь, отвечать за свои реакции, осознавая их связь с Высшим Планом Творца. Добиться полного соответствия всех законов и соответствия Мира Сияющего и мира этого – цель и предназначение человека и человечества.

С этими тезисами я готов идти на новый Никейский собор. Получать за них по физиономии от очередного святителя (*если, конечно, таковой отыщется*). В Орден, который поставит эти тезисы себе на флаги, я готов вступить. Или создать его «с нуля», если ничего подобного еще нет (*а непохоже, чтоб было*). Это будет далеко не первый Орден, который нам удалось довести до ума. Нам клепать Ордена – все равно что детишкам печь куличики из песка. Создал – и тут же сам и развалил. Буддисты балуются со своей мандалой аналогичным образом. Полгода выкладывают мандалу раскрашенным рисом – а потом рассыпают.

Перед глазами – море. Не местное, Балтийское, но Аксинский Понт (*сейчас – Черное*). Любил, когда был Арием, стоять на берегу, вдыхая бриз. Готовился. Проповедовать, биться за то, что считал истинным. Начинать все с самого начала – каждый раз, каждую жизнь.

Источники информации

1. Евангелие от Фомы. // В кн.: Апокрифические евангелия. – М.: АСТ, 2004.
2. Профет Э.К. Реинкарнации. Утерянное звено в христианстве. – М.: Лонгфелло, 2007.
3. Ньютон М. Путешествия души. – М.: Будущее Земли, 2008.
4. Ньютон М. Предназначение души. – М.: Будущее Земли, 2008.
5. Браун Д. Ангелы и демоны. – М.: АСТ, 2009.
6. Ньютон И. Историческое прослеживание двух заметных искажений Священного Писания. - На сайте: <http://foma.ifel.ru/fr1016.htm>.
7. Толкиен Дж. Р. Властелин Колец. – М.: АСТ, 2009.
8. де Костер Ш. Легенда об Уленшпигеле. – М.: АСТ, 2004.
9. Ориген. О началах. – М.: Амфора, 2007.
10. О.Генри. Развлечения современной деревни // В кн.: О.Генри. Полное собрание рассказов в 3-х т.т. – М.: АСТ, 2008.
11. Кэрролл Л. Алиса в Зазеркалье. – М.: Азбука-Классика, 2008.
12. Fox M. New Reformation. – На сайте: <http://www.matthewfox.org/sys-tmpl/theaweproject/>.
13. Вerez Г. Мать и Духовность. Конфискованная истина. Обретенный путь. – На сайте: <http://omkara.ru/madonna/>.
14. Флоренский П. Столп и утверждение истины. – М.: АСТ, 2007.
15. Бердяев Н. Дух и реальность. Основы Богочеловеческой духовности. – На сайте: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1937_034_06.html.